

Александр Зарницын

Оккультные миражи

— Не понимаю, чего мы суедемся, — пробормотал Захаров поежившись.

Порывы ночного весеннего ветра у реки, казались особенно холодными, буквально пронизывающими каждую клетку тела.

— Хочешь сказать, что в гибели этого бандита нет ничего странного? — задумчиво уточнил бывший начальник. Медленно обходя очередную кучу бурелома.

— Ну, подход еще один бандит, в результате криминальной разборки. Чего тут нового? Сколько их развелось после развала державы? А сколько уже отошло в мир иной? Одним больше, одним меньше..., по-моему это не столь важно. Да и потом, я же теперь простой участковый мент и земля эта не моя. Мое дело теперь самогонщики, дебоширы..., учет, регистрация и прочая тянучка. Не пойму никак, зачем я понадобился тебе?

— Ты видел глаза этого малого? В них ведь один животный ужас застыл! А его внешний видок каков? Ведь такое впечатление, что его кто-то хотел порвать на куски. Заметь не одежду, а тело с одеждой и при этом нет никаких следов..., например от холодного оружия.

— Ну, поиздевались перед смертью над покойничком, так бывает, — пожав плечами, буркнул Захаров, поднимая ворот куртки. — Наверняка какую-то информацию хотели получить... Только, что это меняет? Зачем вашей конторе весь этот головняк?

— Месяц назад, в прокуратуру позвонил неизвестный и предупредил, что Архипкин сдохнет как собака, — отозвался Морозов.

— Звонок был анонимным?

— Именно так! И вот теперь Архип мертв..., а ведь кто-то знал, что будет именно так. Но и это еще не все...

Морозов замедлил шаг и остановившись посмотрел Захарову в глаза. Кучевые облака плывшие по черному небу, периодически закрывали лившийся лунный свет. От этого деревья и кусты бросали кругом неясные, размазанные тени, придавали всему происходящему какую-то зловещую окраску.

— Что же еще? — пробормотал Захаров, морщась от сигаретного дыма.

— Еще, доброжелатель сказал, что Архип не просто умрет, а, что у него похитят дыхание.

— Что? — давясь от табачного дыма, выдавил Игорь.

— Да, да, ты не ослышался, — покачав головой, пробормотал бывший начальник. —

Именно так и сказал.

— Невероятно! Неужели, история с гибелью Андрея получает продолжение через столько лет?

— По крайней мере в это хотелось бы верить, — кивнув отозвался полковник. — Если помнишь, то перед гибелью капитана Кирилина, нашего связника тоже предупреждали. Если Андрей не уволиться из отеля, то у него похитят дыхание..., поэтому я и позвонил тебе. Что молчишь?

Игорь играя желваками, внимательно посмотрел на Морозова и покачав головой, с жаром прошептал:

— Этого просто не может быть! Какая может быть связь между смертью Андрея и гибелью этого бандита? Да и потом..., при вскрытии Кирилина судмедэксперты констатировали кровоизлияние в мозг. Это тогда подтвердили и в нашем посольстве! А тут явно криминальна разборка произошла! Может ты, Сергей Петрович, сгущаешь краски?

— Ты, думаешь, что я спятил на старости лет? Или захотел поупражняться в красноречии?

— Да, нет..., просто где Нью-Йорк и где наш Новомихайловск. Или я еще чего-то не знаю?

— Конечно! Только для начала давай поразмыслим, — со вздохом пробормотал полковник, направляясь к милицейским машинам. Которые продолжали стоять с включенными мигалками на трассе. — Давай попробуем понять

для начала, кто это мог так с этим бандитом беспардонно обойтись. Кто его мог сюда вытащить, да еще так зверски расправиться... А ведь он между прочим, перед тем как пропасть неделю назад, сидел со своими корешами в кафешке в окружении девочек... Пили, жрали «в три горла»... и вдруг все изменилось за какие-то минуты. А ведь и Кирилин погиб в отеле ночью точно также. Ушел человек вызывать полицию и пропал.

— Все верно, — пробормотал Захаров нахмурившись. — Зашел человек в номер в добром здравии, а уже через пол часа его нашли мертвым, с перекошенным от ужаса лицом, в истерзанной одежде. С Архипом все проще, может перепил бандит, прежде чем его за город утащили.

— Ага, перепил! Шутишь? У него кулаки как твоя голова, да такого, чтобы спoitь два ведра водки надо «за шиворот» залить. А, ты говоришь перепил! Не-е-ет, тут, что-то другое. В конце 80-х годов сотрудники МУРа разгромили сеть публичных домов, которые возглавлял небезызвестный в определенных кругах Миша.

— Миша Либерман?

— Да, тот самый, который отбирал девиц для обучения модельному ремеслу за рубежом.

— Все вроде оказалось ширмой?

— Да, за всем этим стояло сутенерство...
Помнишь кого потом обслуживали эти модели?

— Крутых бизнесменов и политиков за рубежом!

— Вот, вот, именно Мишины барышни обслуживали наших делегатов. В том числе и на международных салонах в Ле-Бурже, где наши представители из правительственных делегаций, развлекались с ними за государственный счет. Следствие тогда подтвердило, что это были не просто богатые люди — это была элита нашей страны. Страны в которой простой народ давиться в очередях после работы за бычьими хвостами и не потому, что наш народ великий гурман, а потому что жрать больше нечего, потому что полки магазинов пустые...

— Там были и наши военные?

— Конечно, кроме руководителей нефтяных и газовых компаний, банкиров, были и наши старшие офицеры и даже генералы были.

— И, что это нам дает?

— То, что люди Архипа, за пару месяцев до его смерти, были замечены в окружении подельников Миши Либермана, которым удалось избежать ареста.

— Получается, что Архипу стало тесно у нас и он решил выйти так сказать на международный уровень? — задумчиво проговорил Захаров.

— Кто его знает зачем его люди там «мышковали»..., только в итоге мы имеем труп

Архипа. У которого кто-то похитил дыхание. Вот я и хочу предложить тебе со Смирновым, попробовать разобраться во всем этом как следует. Что скажешь?

Захаров нахмурившись покачал головой и выбросив в сторону окурков проговорил:

— Думаешь, Сергей Петрович, что милиция не справится?

— Да, твои коллеги только счастливы будут, если дело побыстрее в архив «сольется». А там глядишь и про смерть Андрея, что нибудь нароете! Помогай, Захаров, своим товарищам, сам знаешь, что земля круглая. Сегодня ты нам поможешь, а завтра глядишь и мы тебе пригодимся! А с начальством твоим я договорюсь, можешь не сомневаться. Нарисуем какую-нибудь командировку в дальние края.

— Да, что ты, Сергей Петрович, меня за власть советов агитируешь, — пробормотал Захаров, глухим голосом. — Ради ясности в деле Андрея я конечно помогу Смирнову, кокой разговор..., хотя и не к времени все это. Разбираться нужно будет не официально, я так понимаю?

— Дело уж больно деликатное. — разведя руками, пробормотал Морозов. — Когда сможешь приступить?

— Смотря когда командировочку

отпишите, — пожав плечами, отозвался Игорь задумчиво.

— Вот и ладненько! Значит уже завтра и приступите! Теперь слушай, что мы имеем. Архипкин мертв и кто-то знал, что будет именно так, а не иначе.

— Выходит этот загадочный «некто» хотел поставить в известность правоохранительные органы?

— Кто его знает, что он хотел, — проговорил Морозов, — не будет же прокуратура охрану приставлять к бандиту.

— Значит с молчаливого согласия? — уточнил Игорь.

— Зря иронизируешь, в гибели этого тарантула и капитана Кирилина есть, что-то общее. Помнишь, сколько шишек тогда свалилось на отдел?

Говоривший замедлил шаг и, остановившись, посмотрев Захарову прямо в глаза сказал:

— Андрей погиб и в их смерти с Архипкиным есть что-то общее. Есть, что-то общее, — мрачно добавил он пожившись. — Я чувствую, что здесь есть связь, мало уловимая, еле осязаемая, но есть. Видел глаза, этого малого? В них кроме ужаса ничего нет, как впрочем, и у Кирилина.

— Да, я обратил внимание на его физиономию, лицо действительно перекошено от

страха.

— Что же его могло так напугать? Молчишь. По свидетельству его собутыльников, всё началось примерно в полночь. Архипкин, разливая очередную порцию коньяка, вдруг уставился на висевшее напротив зеркало. Или физиономией своей остался «недоволен», или пиджаком своим новым, словом скис как-то. Однако, выпив, опять развеселился, стал разговорчивым, а уже по-моему, в районе двух часов ночи он отправляется в туалет и оттуда не возвращается. Пропадает, чтобы через две недели его нашли тут. Обратил внимание на его колени?

— Все сбиты в кровь, словно версту на коленях шел зачем-то. Жил как паразит и сдох, как собака, одной мразью меньше стало.

— Почему сдох, как ты выражаешься? Почему пропал из кабачка? — задумчиво перечислял начальник, выходя на поляну, — Что произошло в туалете? Ведь если бы он собирался уехать за город, то накинул бы на себя одежонку верхнюю. Так?

— Ну, вообще-то да, на дворе не месяц май. В туалете мыл руки, уставился на зеркало, смотрел несколько минут...

— А потом с воплем выскочил через подсобку на улицу и пропал, что бы очутится здесь за сорок километров от города с перекошенной

физиономией.

— Согласен, странно все это, а с другой стороны, черт его знает, может у него «крыша поехала», — пробормотал Захаров, следуя за начальником, старательно уклоняясь от веток.

— В тот момент, когда у Архипкина произошли изменения в поведении, рядом был бармен, с которым нужно обязательно еще раз побеседовать.

— Я, так думаю, что менты это дело в два счета «разложат» по полочкам..., — Захаров шедший сзади запнулся на полуслове, налетев на спину остановившегося начальника отдела.

— Я так не думаю. Игорь, — пробормотал тот, зябко поежившись, пряча руки поглубже в карманы пальто. — Понимаешь в чем тут проблема... Одним словом, за последних полгода это уже вторая смерть только в нашем регионе, где в обоих случаях присутствовало зеркало. Как и у Кирилина кстати.

— Это как? — не понял майор.

— А, вот так, если помнишь, и в деле Кирилина очевидцы тоже упоминали о зеркале, нашли его сидящим у зеркала в номере отеля.

— Ах, вот в чем дело, — присвистнул Захаров. — Да, в деле Кирилина тоже упоминалось зеркало в холле. И, что это может значить?

— Поэтому я и говорю, что во всех этих

случаях есть что-то общее. Присутствуют зеркала так или иначе, кто-то предупреждает, что у предполагаемой жертвы похитят дыхание.

— Интересно, что по поводу смерти Архипкина скажет уголовка, — пробормотал Игорь закуривая новую сигарету.

— А что они могут сказать? При большом некомплекте кадров, когда у каждого следователя по двадцать, тридцать нераскрытых дел... Вал преступности захлестнул страну, а вот мы, к сожалению, оказались не готовы к этому. — Хочешь конфетку? — проговорил Морозов, шелестя бумажкой. — Ну, а я укушу, пожалуй. Видел сегодня следопыта? Он, по-моему, уже был готов закрыть дело, еще до приезда экспертов с кинологом..., развал империи сказывается не только на экономике и жизни простых людей, но и на сыске.

— Ну, это же наверняка дежурный «следак».

— Какая разница? Одним словом — с завтрашнего дня, вернее, уже с сегодняшнего, мы занимаемся этим делом. Конечно, параллельно, конечно не официально, пока к сожалению.

— Понятно, — пожав плечами, проговорил майор, глубоко затягиваясь. — А кто-то еще помирал кроме Архипкина, на такой манер? Был кто-то еще?

— Был, конечно — пробурчал Морозов, шагая

через кустарник, на свет мигающих маячков милицейских машин.

— Кто же он такой?

— Бомж — непринужденно ответил начальник, придерживая левой рукой кожаную кепку.

— Бомж?! — воскликнул Захаров, натываясь в очередной раз в темноте на спину собеседника. — Уж не хочешь ли, ты Сергей Петрович сказать, что между смертью Кирилина, Архипкина и этого бомжа, есть какая-то связь?

— А, я именно это и хочу сказать. Ну, посуди сам. Этот бомж периодически выступал в роли убогого старца, ставшего волею судьбы беженцем. Под этой личиной он периодически выступал в роли курьера.

— И, что же возил этот курьер?

— Всего лишь наркотики, — буднично ответил начальник. — С партией очередной заразы его и взяли. При задержании сопротивления не оказывал, но и чистосердечных признаний от него тоже не добились.

— Как это? — не понял Захаров, пытаясь достать из мятой пачки очередную сигарету. — Ну, хоть что-то он рассказал?

— Да в том-то и дело, что ничего. После задержания его привели в ближайшее отделение милиции, ну провели обыск, а дальше... Одним

словом, как только он сел на стул, его словно кто-то по голове кувалдой саданул. Башка по свидетельству очевидцев чуть не отлетела от тела, как он ей дернул.

— И что? — разочарованно уточнил Захаров.

— А ничего, мгновенная смерть и все.

— Из-за чего?

— Кровоизлияние в мозг. По крайней мере, это официальное заключение судмедэксперта.

— А неофициальное?

— А неофициальное? Его убили, причем красиво, в нужный момент, не дав раскрыть рта.

— Разве во время допроса и обыска присутствовали посторонние?

— Конечно, нет.

— Выходит, его прибили менты?

— Опять не угадал, мы беседовали с каждым из них, проверил служебные характеристики и все такое, это исключается.

— Ну и дела, — выдохнул Захаров с клубом белого дыма. — У Кирилина действительно такой же диагноз был. Так, а зеркало причем? Бомжа же с поезда сняли.

— Так в том — то вся петрушка и заключается, что башка его дернулась, как только он свое отражение в зеркале увидел. Понимаешь там, на участке, за спиной у дежурного зеркало висело. Мне эту историю один человек из

прокуратуры рассказал, впрочем, как и про Архипкина. Меня после того случая словно осенило, с тех пор я и присматриваюсь к сводкам. Теперь вот Архипкин, ладно пойдём, вроде все уже закончили.

— А лицо, лицо у этого бомжа какое было? — уточнил Игорь, едва поспевая за Морозовым-.

— Точно такое же, как у Кирилина и Архипкина, они все словно в преисподнюю заглянули, — отозвался тот, тяжело дыша.

На месте происшествия, а точнее на том месте, где был найден труп Архипкина. Криминалисты закончили свою работу, и теперь торопливо паковали свои чемоданчики, скручивали провода от осветительных фонарей. Несколько человек упаковало в целлофан труп, пытаясь справиться с застывшими мышцами вскинутых рук.

— Похоже, он чего-то сильно испугался? Вы не находите? — спросил Захаров, подходя к эксперту.

— Водку надо жрать меньше, — ответил тот с раздражением, обтирая ботинки с налипшими комьями грязи о сухую траву. — У него в кармане бутылка водки была початая.

— Вы считаете, что покойный просто загнулся от «перепитого»?

— Как вам сказать, вскрытие покажет. Предварительный осмотр говорит о том, что все

тело было искромсано еще при жизни... Словно пытали его.

— А, вы обратили внимание на его колени и выражение лица, да и положение рук? Словно он от кого-то или чего-то пытался закрыться.

— В его кармане была недопитая бутылка водки, — устало повторил эксперт, лет сорока с уставшим лицом, заканчивая с налипшей грязью на ботинках. — Угостите меня лучше сигаретой.

— Да, пожалуйста. И, что же это значит?

— Водку надо меньше жрать, тогда и колени будут целы, и чертики казаться, не будут, всего доброго, — пробормотал эксперт, направляясь к милицейским машинам.

— Да, да, конечно, — пробормотал Захаров, зашагав к стоящему поодаль начальнику отдела.

— Готов поспорить, что диагноз при вскрытии будет такой же, как и в предыдущих случаях, задумчиво проговорил Морозов, глядя, как уносят труп. Поехали в отдел, делать тут больше нечего. Покажу кое-что и по домам..., светать скоро начнет...

Кто-то уже месяц назад знал, что Архип загнется, а это меняет весь расклад.

— Может, он был чем-то болен.

— Может быть, нужно будет это проверить.

В это время с дороги донесся недружный сонливый смех патрульных милиционеров,

прибывших сюда первыми и пытающихся как-то скоротать время, рассказывая сальные истории.

Подходя к своей, выдавшей виды машине, начальник стукнул костяшками пальцев по лобовому стеклу со стороны водителя.

— Что, уже? — встрепенулся тот, ища в темноте ключ зажигания часто моргая при этом.

— Не спи, а то замерзнешь, — назидательно посоветовал Захаров, откидываясь на спинку заднего сидения. — Нужно будет узнать, кто будет вести дело.

— Если его вообще возбудят, — задумчиво парировал начальник.

— А, если его возбудить с нашей подачи.

— Не думаю, что это хорошая мысль. Что мы реально можем предложить? Одни догадки, да предположения или подошьем звонок доброжелателя?

— Пожалуй, — проговорил Игорь, наслаждаясь приторным машинным теплом с характерным запахом бензина и масла. — А кто нашел тело?

— Да позвонил какой-то водитель и сообщил по «02» дежурному.

— Доброжелатель?

— Получается что так, — с досадой ответил тот. — Поехали.

Пришедшая с теплом усталость, медленно

обволакивала тело, погружая в сладкую дремоту. На этом разговор оборвался и путь до самой конторы, как частенько называли сослуживцы Морозова между собой свое место службы, прошел в молчании.

Прислушиваясь к ровному рокоту мотора и шелесту шин, Захаров попытался выстроить хоть какую-то линию в предстоящем расследовании, к которому его, судя по всему старик, так за глаза сотрудники называли своего начальника, решил привлечь. Но какие либо определенные ходы пока не как не выстраивались, не вязалась и общая линия. Слишком уж разными были погибшие. У каждого из них была своя жизнь, все они занимали определенную ступеньку в социальной лестнице, и у них не было ничего общего между собой.

У Кирилина была прекрасная семья, две милые дочери оканчивали школу, красавица жена преподавала в школе. Сам же Кирилин был кадровым офицером из офицерской семьи. Всегда аккуратно и добросовестно относился к своим служебным обязанностям.

Бомж по отношению к нему был явной противоположностью, не имел ни угла, ни семьи, вел асоциальный образ жизни, помогая периодически поставщикам наркотиков, в транспортировке.

Что же касается Архипа, то это была

колоритная фигура в своем кругу. Три судимости, вылившиеся в шестнадцать лет трудового стажа на севере, придавали ему вес в окружении блатных и прочей разношерстной братии.

Когда «УАЗик» скрипнув тормозами, замер перед большими металлическими воротами, из-за которых виднелось небольшое здание КПП и мрачное двухэтажное здание с зарешеченными окнами на первом этаже, у Захарова так и не сложилась какая-то цепь умозаключений, уж слишком мало было информации на этом этапе.

— Машину в гараж, сам отдыхай, — буркнул старик шоферу, — а мы с гостем еще чайку погоняем.

— Есть гараж! — не скрывая удовлетворения, воскликнул водитель.

Выйдя из машины Захаров, поспешил за начальником, по каменным ступенькам, ведущим к зданию штаба части.

После звонка раздался хруст электрического замка, и массивная дверь бесшумно отворилась. Дежурный офицер, молча, козырнув, вернул документы и, открыв сейф, достал связку опечатанных ключей.

Расписавшись в журнале за их получение, Морозовым с Захаровым двинулись по коридору.

Дежурного офицера не удивил столь поздний визит. Специфика службы предполагала, что

рабочий день мог продолжаться все двадцать четыре часа в сутки. Это для не посвященных граждан за высоким кирпичным забором с колючей проволокой располагалась заурядная войсковая часть топографов. Которая находилась на отшибе города ничем не отличавшаяся от других частей с магазинчиком, гаражными боксами, да несколькими двухэтажными зданиями, в которых размещалась и казарма, и штаб, и баня. Единственное, что, пожалуй, бросалось в глаза так это усиленный вариант несения караулом службы. Часовые, обходившие периодически охраняемый периметр вдоль колючей проволоки со вспаханной полосой, ходили строго по два человека. Да за постройками размером с футбольное поле, раскинулась причудливая паутина непонятных антенн.

Мало кто знал, что в любое время дня и ночи в подвальных помещениях, уходивших на несколько этажей вниз, шла напряженная работа. Десятки дежурных офицеров и операторов связи, секретчиков и радистов, под разноголосый стук телетайпов и атмосферных разрядов, перемешивающихся с морзянкой, осуществляли прием и передачу информации. Обработывали данные пролетов искусственных спутников земли, оповещали о пролетах спутников, принадлежащих странам НАТО.

Дружна работа одного из региональных подразделений Главного разведывательного управления, как хорошо отлаженного механизма нарушалась лишь при пролете очередного спутника-шпиона, который, при помощи электронных средств разведки, мог фиксировать происходящие внизу процессы. На это время в игру вступали, ложные сети и радио-направления, которые гнали в эфир безадресную информацию. Что на жаргоне специалистов называлось «загонять пустышку». Основная же масса техники в этот момент работала на прием информации, что позволяло скрыть аппаратуру с рабочими частотами, работающую на излучение.

Почему после окончания военного училища Захарова много лет назад распределили в ГРУ МО, он и сам не знал. Назначение прошло просто и буднично. Так и оказался молодой лейтенант Володя в штате этой структуры.

Шли годы, с ними взрослел и мужал офицер Захаров, жизнь свела его со многими интересными людьми, которые, несомненно, повлияли на его формирование и служебный рост.

На первом этаже служебного помещения, куда вошли Захаров с начальником, висела звенящая тишина. Шаги по пустому коридору гулко отражались в высоких потолках и причудливым эхом замирали за очередным поворотом.

— Какие возникают соображения, майор? — устало спросил старик, Срывая с двери печать, неторопливо позвякивая связкой ключей.

Захаров, проработавший под его началом не первый год, ждал этого вопроса.

— Честно говоря, пока ни каких, пока никак не срастается, — признался он, расстегивая куртку.

— Вот и мне пока не все ясно, ну заходи.

Кабинет Морозова состоял из двух комнат, первая, небольшая служила для времяпровождения сотрудников отдела, которые томились в ожидании вызова к начальнику. В углу, на выдавшей виды, старинькой тумбочке, стоял телевизор, над которым во всю стену, висела огромная карта — некогда могучего государства с громким названием Союза Советских Социалистических Республик. У противоположной стены располагался ряд стульев с журнальным столиком. Газеты, которые аккуратно появлялись на нем по утрам, так же аккуратно разбирались сотрудниками отдела к вечеру. На большом зарешеченном окне покачивались теряющие цвет простенькие шторы. Вторая же половина была намного просторнее и буквально утопала в зелени. Везде, где только это было возможно, стояли, висели, плелись какие-то цветы, растения, была даже бочка с пальмой. Тем не менее, внутреннее убранство кабинета настраивало на рабочий лад. Два больших окна были закрыты

строгими жалюзи, между ними располагался массивный кожаный диван со стеклянным столиком. В углу стоял огромный с человеческий рост двухсекционный сейф коричневого цвета с никелированными ручками. Напротив входной двери висел портрет с чекистом страны советов, а чуть ниже, по обе стороны располагались большие планшеты с картами и схемами местности всего региона. Стены, обклеенные моющимися обоями под красный кирпич, удачно гармонировали с массивными столами таково же цвета, стоящими Т-образно по центру кабинета. Слева от входа стояли два сдвинутых шкафа, на полках, которых громоздилось множество книг справочного характера. На нижней полке одного из них располагался видеомаягнитофон с телевизором фирмы «Хитачи».

Вся эта обстановка с трудом вязалась с решительным волевым характером хозяина кабинета, который был из семьи фронтовика, прошедшего всю войну в передовых отрядах разведки, что видимо несомненно наложило свой отпечаток на подполковника Морозова. Последовавшего по стопам отца, которым всегда гордился и которого частенько приводил в пример и себе и своим подчиненным. Тот в свое время ушел добровольцем на фронт. В обкоме комсомола ему предложили учиться в разведшколе. Так

началась служба юного Пети в городе Беломорске поселка Шишня. Школу курировал Юрий Владимирович Андропов — будущий генеральный секретарь ЦК КПСС. Именно там юного Петю научили обращаться со своим оружием, оружием врага, как правильно ставить мины и ориентироваться по звездам. В школу не брали без знания какого-либо иностранного языка, Петя знал финский, что и определило его отправку к северной границе. Потом был первый выход на задание, во время, которого их группа из десяти человек уже в нейтральной зоне натолкнулась на группу финских разведчиков, которых было на несколько человек больше. Первое боевое крещение стало суровым испытанием для юного разведчика. Из всей группы их осталось только трое.

— Каждый раз, Сергей Петрович, захожу к тебе в кабинет как в ботанический сад или нет, пожалуй, в какой-то зеленый уголок, — проговорил Захаров, вешая куртку.

— Разве это плохо? — спросил тот, грузно опускаясь в кожаное кресло не снимая пальто.

— Да нет, пожалуй, наоборот.

— Ты есть хочешь?

— Нет, спасибо. Я плотно поужинал, вот от чайка, пожалуй, не откажусь.

— Ну и ладненько, давай по чаевничаем и про дела покалякаем, — проговорил хозяин кабинета,

доставая поднос с чайным прибором и подаренным на 23 февраля чайником. — И так, что мы имеем?

— К сожалению очень не много, — ответил майор, крутя в руках спичечный коробок. — Несколько странных смертей.

— Да, но при этом у нас есть масса косвенных улик, — включая чайник, возразил Морозов.

— Например?

— Ну, например, три смерти, которые наступили или точнее были спровоцированы зеркалами, как это не странно звучит. Хотя о том, что у бомжа похитят дыхание никто не предупреждал.

— Звучит как-то действительно не реально, — пожав плечами, отозвался майор.

— Что поделаешь, пока имеем то, что имеем. Вспомни, как наступила смерть Кирилина, как погиб бомж, перевозивший наркоту, или Архипа. Везде, так или иначе, мелькало зеркало. Пойдем дальше. У всех троих один диагноз — кровоизлияние в мозг.

— Но Архип...

— Я убежден, что он погиб от аналогичного диагноза, — перебил начальник, — уж больно все сходится.

— Допустим, — согласился Игорь, расслабляя узел галстука.

— Один или два случая могут быть

случайными, а вот больше двух — это уже извините система, сам знаешь.

— Согласен, получается, что во всех этих случаях смерть была насильственной.

— Получается, что так. Примерно мы знаем, как это происходит, значит, от этого и будем отталкиваться, — с этими словами Морозов развернулся в кресле. И протянув руку, достал из компьютера стоящего на приставном столике, дискету.

— Вот здесь, — он задумчиво посмотрел на квадратный пластик, — заложена вся информация по делу того самого бомжа. Как оперативники «качали» информацию по наркоте, как развивалась операция ну и так далее. Это копия, — с этими словами он вставил ее в футляр и протянул Захарову. — Материал этот секретный, внимательно изучи его и верни до утра.

Сняв кожаную кепку, он медленно положил ее на стол. Было видно, что он сильно сдал за последнее время. Под очками в роговой оправе находились скорее не глаза, а воспаленные от недосыпания белки глаз. Крупные черты лица как-то осунулись, подбородок с носом заострились, на изрезанный морщинами лоб спадали пряди седых волос.

— После того как пропал Архип, я попросил кое-кого в прокуратуре держать меня в курсе.

Начальник отдела грузно встал и, крутанув задумчиво одну из лопастей вентилятора, стал расхаживать по кабинету, заложив руки за спину. — Поэтому к тому моменту как нашли тело, у меня уже была кое-какая информация о нем. Как жил, чем дышал, ну и так далее, на дискете про него тоже есть. Наливай себе чаю, бери сахар, лимон режь по вкусу, — махнул он рукой.

— Спасибо, — проговорил Игорь, наливая душистую заварку. — На дискете вся информация по этому бандиту?

— Нет, конечно, дополнительную информацию получим когда потрясем свои источники, я тебя кое с кем сведу.

— Понятно, — проговорил Захаров, доставая пачку сигарет из кармана пиджака.

Куда заразу достал? — протрубил начальник. — Житья от вас нету, — Глядя на вас, опять закурю. А ну спрячь! На, лучше конфетку с чаем проглоти. Да, и завтра же, вернее уже сегодня, любая информация по этой теме является закрытой и должна идти только через меня. Все понятно?

Ясно, — отозвался Захаров, кивнул в знак согласия.

— Теперь дальше. Нужно будет очертить круг лиц, с которыми покойный Архип чаще всего контактировал. Как знать может здесь, что-то пересечется. И, наконец, какие могут быть мотивы,

если конечно предположить, что кому-то или чему-то погибшие могли мешать. В помощь тебе со Смирновым дам еще пару, тройку человек, с этого момента для вас наступает «свободная охота». Вся информация по делу идет только ко мне на стол. Если нужна, будет группа наружного наблюдения, брать только «топунов» из конторы. Никаких контактов с ФСБ, это наше дело. Все понятно?

— Так точно, — ответил майор, отодвигая, пустую кружку. — Можно получить консультацию в УВД по делу бомжа или группировки того же Архипа.

— Можешь обращаться за помощью к сыщикам в УВД, которые непосредственно вели дела по бомжу и группировке Архипкина, только аккуратно. Я же за сегодня — завтра подготовлю тебе документы по Кирилину. Рой землю, майор, но разберитесь в этом мутном деле. И хотя это уравнение с тремя неизвестными, но разобраться в нем крайне важно. Поэтому сдавай все дела по своим самогонщикам и все силы на это дело. Понятно? — спросил он, остановившись, и внимательно посмотрел поверх очков на своего бывшего подчиненного.

— Так точно, — ответил тот вставая.

— Помни, майор, пожалуйста, — глаза начальника сузились, — Несколько лет назад погиб наш товарищ и погиб он при очень странных

обстоятельствах. Да дело закрыто, но касательные признаки говорят о том, что он был убит. Для нас дело чести добраться до истины, сколько бы времени не прошло, тут не должно быть срока давности.

— Сергей Петрович, ну, что ты меня за советскую власть агитируешь? Разберемся, — пробормотал Игорь разводя руками.

— Вот, вот, давай разбирайся. Со своей стороны обещаю тебе всяческую помощь, в рамках разумного, конечно. Да и смотри, сам соблюдай осторожность и людей берегите со Смирновым..., а то я вас знаю. Дискету можешь посмотреть в соседнем кабинете.

Кабинет напротив, пожалуй, ни чем не отличался по убранству от кабинета сотрудника среднего звена. Два металлических сейфа, три стола сдвинутых буквой П, на одном из которых стоял компьютер с потрепанной печатной машинкой, несколько стульев. Тумбочка, где обычно хранилась банка с кофе или чаем, стаканами и кипятильником. Старенький диван, на котором приходилось частенько коротать бессонные ночи по служебной необходимости. У двери, стоял старенький холодильник «Саратов», старенький настолько, что никто уже и не помнили когда, и как он появился здесь. А в знак уважения к нему и его беспрекословной работе, все называли его

уважительно «Саратыч». На холодильнике стоял старенький телевизор «Березка».

На побеленных стенах, без всякой системы висели календари, несколько памятных фотографий о прыжках с парашюта и рыбной ловли.

Приготовив кофе, Захаров снял галстук, и включив компьютер, погрузился в изучение материала.

Из дела следовало, что по оперативным данным, сыщики из УВД установили наблюдение за одним из притонов, обитателей которого не трогали в течение длительного времени. Скрупулезно они фиксировали и разрабатывали всех его постояльцев для этих целей, они даже «поставили» дом на прослушивание, что позволяло им контролировать все происходящее внутри. Сыщики накапливали материалы буквально вагонами, причем на разные интересные темы. Так как кроме махровых наркоманов и проституток сюда заходили, как бывшие заключенные, базарные кидалы, так и лица находящиеся в розыске. Ставя на контроль интересующую сыщиков личность, они постепенно углублялись в ее связи и, в конце концов, все заканчивалось задержанием. Одно им ни как не удавалось установить, как, кто, и по каналам доставлял в притон наркотики. Наркотики в виде маковой соломки или героина, появлялись в притоне, и не

кто из его обитателей даже, словом не обмолвился ни разу о способах его доставки. Словно эта тема и не касалась обитателей подвального помещения. Причем зараза появлялась еще в нескольких притонах сразу, одинаковая по своему химическому составу, что наводило на мысль об одном хозяине и каких-то централизованных поставках.

Информация о бомже была крайне ограниченной, и было видно, что попался он совершенно случайно, на том, что поругался в поезде с проводником из-за чая, который, как ему показалось, небрежно поставили в купе на его столик. Выпив чай, он пошел выяснять, почему проводник заваривает опилки вперемешку с бревнами. На шум прибежал проводник из соседнего вагона, прихватив с собой наряд милиции. Те попросили документы, а так как Иванов Виктор Александрович не уверенно отвечал куда едет, и что везет в рюкзаке, то его попросили показать содержимое, тут то и всплыла соломка, а дальше все пошло по хорошо накатанной схеме. Иванова сняли с поезда и отправили в ближайшее отделение милиции, где с ним и произошла страшная метаморфоза. Уже позже осматривая его вещи, внимание следователя привлек телефонный номер — написанный шариковой ручкой на смятом фантике от конфеты. Телефон после проверки оказался одним из тех, которые оперативники уже

давно слушали. Но больше всего Захарова поразило то, что на завершающем этапе операции были задержаны лишь с десяток лиц из рядового ранга. Но ни одна фигура, имеющая какой-то вес в преступном обществе, не была взята под стражу. Все серьезные фигуранты как по команде исчезли из поля зрения оперативников.

«Что это?» — подумал майор, разминая отсыревшую сигарету. «Получили приказ «лечь на дно», переждать непогоду? От кого получили? Кто отдавал приказ?».

Ничего этого в материале не было, а у Захарова сложилось впечатление, что дело постарались побыстрее закрыть.

«Тут явно была замешана чья-то корысть, а может и желание скрыть свою некомпетентность и таким образом снять всяческое дело, которое могло перерасти в «занозу», — решил Игорь. И поморщившись, словно от зубной боли, закурил.

Встав из-за стола и потянувшись, он попытался представить, что могло объединять Архипкина и Иванова. По складу характера, привычкам, желанию прожить жизнь Иванов вряд ли был нужен рецидивисту по кличке Архип. К тому же они занимали в преступном промысле совершенно разные ниши. Однако настораживало то, что и сутенер, и бомж перед смертью, что-то явно увидели и ни где-то, а в зеркале. Увидели

нечто такое, от чего произошли явные нарушения в психике, что привело к летальному исходу. Если конечно предположить, что прогноз старика был верен и смерть у Кирилина, Архипкина и Иванова была спровоцирована, пусть даже отчасти зеркалом.

Захаров остановился, и сев на краешек стола уставился на зеркало, висевшее на двери. Уставший, прищуренный взгляд глаз спрятавшихся под густыми бровями. Плотно сжатые губы на волевом тщательно выбритом до синевы лице, седеющие волосы на голове с короткой стрижкой.

— Что можно увидеть в зеркале? — спросил он своего двойника, выпуская кольцами дым. — Пожалуй, свое отражение. А ведь капитан вообще не вписывается в эту компанию. Да и что между ними могло быть общего? Если связка Архипкин — Иванов как-то просматривалась, то Кирилин — Архипкин — Иванов не просматривалась, даже при сильном желании. Чертовщина какая-то, — ругнулся Захаров. Покачав при этом головой.

Дверь со скрипом открылась и на пороге появился начальник, в своем потертом джинсовом костюме, держа в руках термос с каким-то свертком.

— Почитал материал? — буркнул он, входя, — Я тут перекусить решил, дай, думаю, тебя в компанию возьму.

— С этими словами он бесцеремонно сдвинул в сторону лежащие на столе бумаги и принялся разворачивать пакет, — Ты ведь у нас сейчас холостяк?

— Вроде, как, — рассеяно отозвался Игорь. Вспомнив, что забыл позвонить жене с дочкой, которые уехали в отпуск без содержания, из-за болезни тещи.

— Ну, а раз так, то составляй компанию! Война — войной, а ужин должен быть по расписанию. Правда, какой это ужин, предрассветный ленч, что ли.

— Я вот все думаю, по поводу этой мистики и признаться концов не могу нащупать.

— По поводу чего? — не понял старик.

— Ну, по поводу всех этих смертей, звонков, зеркал и так далее. Что общего могло быть у таких совершенно разных людей? Где их пути могли пересечься, или кому они могли помешать? Если предположить, конечно, невозможное, что кто-то, пока по непонятным причинам, каким-то образом умертвил их...

— Держи майор, — с этими словами начальник протянул увесистый бутерброд. От которого вкусно пахло колбасой с резким чилийским соусом. — Правильно мыслишь, вот когда мы найдем мотивы, которые могли побудить кого-то прибегнуть к таким дьявольским,

нестандартным мерам, тогда и познакомимся с ними поближе, или с ним.

— Мотивы это сумма мыслей и чувств человека, которые и побуждают его к тем или иным поступкам, — проговорил Захаров, отрешенно разглядывая, поджаренные ломти хлеба, из-под которых выглядывала петрушка.

— Все верно говоришь, — буркнул Морозов, разливая из термоса в стаканы ароматный кофе. — Почему убрали, конечно, вопрос вопросов. Но и каким образом, тоже пока не понятно. Ведь нет ни огнестрельных, ни резанных, ни колотых ран. Можно было бы предположить, что тут не обошлось без каких-то мощных психотропных препаратов, по крайней мере, в случае с Кирилиным, но все мыслимые тесты дали отрицательный результат. Впрочем, отсутствовала вообще всякая химия, так, что орешек, в виде этого дела будет не простым.

— Может с помощью, каких то старинных алкалоидных средств растительного происхождения? — предположил Игорь, стряхивая хлебные крошки с брюк.

— Которые, попав в организм, бесследно растворяются в крови?

— Ну, вроде того.

— Может быть, может быть, но и тут, пожалуй, что-то другое, — предположил полковник

усевшись за стол. — В начале у всех троих менялось поведение, все становились раздражительными. Вспомни капитана Кирилина, который становился раздражительным, когда брился по утрам. Бомж из тихого доходяги периодически поднимал тему собственного достоинства. Архип, тоже ходивший всегда «под стопочкой» и то ревел последнее время как медведь загнанный.

— Кстати, тот доброжелатель, который в прокуратуру звонил, насчет смерти Архипа не найден?

— Увы, к сожалению нет. Он бы наверняка пролил свет на это темное дело, Но где его взять?

— А, что по этому поводу думают психоаналитики?

— Что могут думать? Сообщение было коротким, видно звонивший опасался, что его телефончик могут вычислить, хотя и звонил с телефона — автомата. Речь без всяких пантов, или слов-паразитов, построение предложений, интеллигентное, говорившему видимо за сорок. Хотя с нынешними синтезаторами исказить речь конечно не проблема. Вот, пожалуй, и все.

— Значит, звонил не урка?

— Точно нет.

— Ну, а если предположить, что беда с Архипом приключилась из-за его личных проблем?

— У Архипа, рейтинг стал падать среди братвы? Пил, в компании дружанов, веселился, музыку заказывал и вдруг на тебе! Спустился, руки помыть, а сам выскочил через черный вход как ошпаренный и пропал, как потом оказалось навсегда.

— Ну, а если предположить, что испугался кого-то, или его увезли насильно?

— Играл, не угадал ни одной буквы, — пробормотал начальник, заканчивая с бутербродом. — Посуди сам, кто его мог напутать или тем более похитить? Находился на своей территории, контролируемой собственными броне-лобиками и прочей бритоголовой шушерой. Все схвачено, за все заплачено, участковый при встрече под козырек «берет», по ручкам с Главой администрации здоровается. Чего ему бояться?

— Все верно, — буркнул Захаров, с досадой, — Но ведь должна же быть какая-то логика во всем этом.

Он резко встал и стал расхаживать по кабинету, похрустывая бутербродом.

— Правильно, все верно, у всех погибших было, что-то строго индивидуальное.

Возьми историю с Кирилиным. Зачем его нужно было убивать в отеле? Живой он представлял гораздо больший интерес как источник

информации, например. Или, в крайнем случае, через него могли «гнать» дезинформацию, он же не был простым заурядным оперативником, а его убрали. Значит, перешел он какую-то незримую черту. А какую? Ума не приложу, — пожав плечами, пробормотал старик. Откинувшись на спинку стула, с напряжением разглядывая столбики кроссворда, на мятой газете с масляными пятнами. — А возьми этого Иванова! Он бедолага, на допросе даже вякнуть не успел.

— Ладно, а как быть с Архипом?

— Вот я и говорю, что в каждом случае есть, что-то общее и в то же время, что-то индивидуальное.

— Может конкурент, какой — то скрытый объявился? — предложил Захаров, садясь напротив.

— Может и конкурент... Непонятно только как этому конкуренту удастся творить такие безобразия. Окружение Архипа, как в прочем и Иванова, не отличается умом и сообразительностью, а тут чувствуется тонкий почерк. Я бы даже сказал бравада, какая — то.

— Уж не доброжелатель ли это наш?

— Который в прокуратуру звонил?

— Ну да.

— Мысль интересная, на досуге надо обдумать. Будешь вести разработку связей со Смирновым, учти этот нюансик. С чего думаешь

начинать?

— Случай с Архипом свежий, с него и начнем, пожалуй.

— Да, пожалуй, тут правильнее попробовать заходить с этой стороны. Завтра я тебя сведу с одним следопытом из УВД, который вел дело Иванова. Человек надежный, он тебе наверняка поможет. Кофе будешь еще?

— Нет спасибо, итак глаза из орбит лезут.

— Ну, как знаешь, пойду я в свою берлогу, у тебя тут дышать нечем, прокурили все насквозь черти. Время на изучение материала у тебя до шести часов утра. Ну, а потом забирай с авто-парка свою машину и езжай домой отдохни. Пока отдыхать будешь, я с твоим начальством все утрясу, Теперь для всех ты будешь в командировке. Отдыхай и с новыми силами за дело, сдастся мне, охота у тебя будет не из легких майор.

Хмурое весеннее утро уже вступило в свои права и все в округе наполнялось понемногу суетой предстоящего дня. В нарастающем шуме ревавших машин, тонким фальцетом позванивали трамваи, из-за забора доносился шум спешивших на работу людей. И казалось, что миру нет никакого дела, что кого-то нашли этой ночью мертвым, далеко за городом или, что за высоким забором с надписью «Охраняемый объект МО» идет какая-то своя, во

многим не понятная жизнь.

Жигули первой модели, которую майор купил еще, будучи старшим лейтенантом, исправно служила своему хозяину, частенько заменяя в свое время служебный транспорт. Были моменты, когда Игорь выжимал из двигателя последние силенки, клялся себе и машине, что это последний раз. И, что после этого случая, он уже точно, никогда не воспользуется своей машиной по служебной надобности. А уж если и воспользуется, то поставит вопрос «ребром» перед своим непосредственным начальником, подполковником Морозовым, о компенсации, его, Захарова расходов, хотя бы в части бензина. Но суета служебная заставляла вновь и вновь садиться в свою старую машину и вновь наматывать километры по казенной необходимости.

Расстояние от части до дома, он всегда покрывал минут за тридцать, еще минут пятнадцать уходило на постановку машины в гараж и дорогу к дому. Дом же майора Захарова находился в новом микрорайоне и представлял собой трехкомнатную квартиру на пятом этаже, девятиэтажного дома.

Тимур — так звали любимца семьи, огромного пса из семейства московских сторожевых, всегда чувствовал, приближение хозяина. И всегда с нескрываемой радостью приветствовал его через металлическую дверь.

— Ну, здравствуйте, хозяйство мое, — проговорил Захаров устало, глядя на нескрываемую радость Тимура и сонную морду кота сибирской породы Тишку. Заждались папу черти? То-то же. Ладно, идем моцион принимать, перышки чистить.

С этими словами он выпустил кота и пристегнув поводок к ошейнику собаки, отправился во двор. Но прогулка не получилась долгой, так как моросивший дождь усилился, что явно не пришлось по душе Тимуру.

Вернувшись домой, Игорь опустил медленно в удобное кресло, закурил, и, включив телевизор, стал слушать новости, пытаясь отвлечься от груза последних событий. Уютная домашняя обстановка обычно помогала ему в таких случаях. Бессонная ночь вносила путаницу в мыслях, отдавалась ноющей болью в пояснице, тогда он решительно встал и отправился в ванную. Приняв контрастный душ, наскоро перекусил, и с наслаждением растянулся на диване.

Не прошло и четырех часов, которые пролетел словно мгновение, как противно зазвонил телефон, беспардонно расталкивая сонную пелену.

— Гав..., гав, — раздавалось над его ухом.

Не открывая глаз, Захаров стал шарить по журнальному столику, ища телефон. Но вместо телефонной трубки пальцы наткнулись на теплую морду Тимура. Он медленно открыл глаза и увидел

сначала виляющий хвост собаки, ее лукавые глаза и лишь потом телефонную трубку, которую держала собака.

— Слушаю вас, — буркнул он.

— Перезвони, — лаконично проговорил старик.

Захаров и предположить, не мог, что через минуту вихрь событий захлестнет и перевернет всю его жизнь.

Морозов сообщил, что утром в своем кабинете застрелился следователь, который некоторое время назад вел дело интересующего их бомжа. А его, Захарова, ждет один из оперативников, который работал вместе с погибшим.

— Зачем тебе все это? — шептал Игорь лихорадочно, соображая какую рубашку одеть.

Минут через двадцать он уже подъезжал к одному из пятиэтажных домов в центре города, где находилась одна из конспиративных квартир. По своему убранству она ничем не отличалась от других квартир, в которых проживали одинокие пенсионеры. Бывшие советские служащие, оказавшиеся в одночасье некому не нужными в водовороте перестроечных событий. Именно такие квартиры и использовали время от времени сотрудниками ГРУ, для встречи со своими «контактами».

— Морозов будет в конторе к вечеру, — тихо сказал бывший коллега, после крепкого рукопожатия. — Я поехал, удачи вам майор.

— Зайцев Игорь Леонидович, — представился коренастый, лет 30, с волевым лицом человек. — Я помощник погибшего следователя.

— Захаров, тоже Игорь, только Владимирович. Вы я вижу, тут уже все задымили, — проговорил он, пожав руку.

— Да, есть маленько, — задумчиво проговорил Зайцев, наливая в кружку очередную порцию чая.

— Вам капнуть?

— Не откажусь пожалуй, — проговорил майор. Усаживаясь за стол напротив, отодвигая литровую банку, заполненную окурками разного калибра.

— У нас в управе творится такое... — словно оправдываясь, сказал новый знакомый, потягивая дымящийся стакан с густой заваркой.

— Понимаю, примите мои соболезнования, я так, понимаю, что с погибшим вы давно работали вместе.

— Да, Андрейченко я знал давно... Его смерть признаться не укладывается в голове, абсурд какой-то.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, понимаете, — Зайцев на секунду

расследование? — предположил майор.

— Не уверен, что какое-либо расследование до конца прольет свет на это дело.

— Может семейные обстоятельства? — предположил Захаров, доставая пачку сигарет.

— Что вы, отличный семьянин, прекрасная семья.

— Тогда может быть его гибель как-то связана с его служебной деятельностью?

— Именно этой версии придерживаются все в нашем коллективе.

— А ваше начальство?

— Оно, по-моему, в шоке. В истории управы не было никогда ничего подобного. Да и не верю я в результаты расследования, точнее в их объективность.

— Вот как?

— Да, знаете, сор из избы, честь мундира и прочая дребедень..., впрочем, все это эмоции..., я готов ответить на ваши вопросы. Полковник Морозов сказал, что вам нужна моя помощь.

— Видишь ли, Игорь Леонидович, — майор стал аккуратно стряхивать пепел в банку, нахмутив брови. — Некоторое время назад, мы потеряли одного из наших сотрудников. Он погиб при весьма странных обстоятельствах. Потом произошли еще кое-какие события, которые хотя и касательно, но подтверждают странности в его смерти. Во всяком

случае, что-то тут не так. Захаров окинул рассеянным взглядом скромно обставленную комнату и тихо сказал:

— Надеюсь ты понимаешь, что о содержании нашего разговора, как впрочем, и о самой встрече никто не должен знать?

— Нет проблем, выйдя из этой квартиры, я все забуду.

— Ну и чудесно, давай, Игорь Леонидович, для ясности восстановим хронологию. Ну, допустим последних трех месяцев. Чем занимался Андрейченко, какие дела, на твой взгляд, заслуживают внимание, может, ему были звонки с угрозами?

Зайцев с вздохом встал и, одернув свитер, сунул руки в карманы модных, в мелкую клетку брюк, подошел к окну. Его коренастой фигуре эта прокуренная однокомнатная квартира, заставленная старенькой мебелью с узкими проходами, была явно тесновата.

— То, что были угрозы последнее время, не знаю. Он всегда к таким вещам относился наплевательски.

— Это как?

— Всегда предпочитал сам разбираться со своими проблемами.

— Вот как?

— Да, лишь через какое-то время мы

узнавали, что кто-то ему угрожал. И то так мимоходом, в разговоре.

— А, что часто грозили?

— Да нет, но бывало.

— И все же, что-то запомнилось за эти три месяца? — уточнил майор, прихлебывая чай с кусочком сахара.

Зайцев провел рукой по зачесанным назад густым волосам и, пожав плечами, проговорил:

— Грабежи, убийства..., да все как обычно. В общем, не выходя за рамки статистики. Иногда подключались по работе с наркоманами.

— Припомните историю про бомжа?

— Которого?

— Ну, которого с поезда сняли с маковой соломкой. А допросить не успели, представился бедолага в отделении, прямо на глазах у всех.

— Да, я слышал эту историю, но сам участия в ходе расследования не принимал, да и какое там расследование, когда главный фигурант по делу «дуба нарезал», не успев и рта раскрыть.

— И все же, если можно поподробнее, как начиналась эта история? — проговорил Захаров, включая старенький, черно-белый телевизор «Темп», стоящий на потертой тумбочке, одну из ножек, у которой заменяла небольшая кастрюля.

— Поступила оперативная информация, сразу от нескольких источников, что в сеть притонов

намечается поступление наркоты. Нас во всей этой истории интересовал наш контингент. Который определенным образом реагировал на эти завозы и некоторые из них вылазили на свет божий.

— Известно кто «банкует» наркоту по притонам? спросил Захаров, изучая рисунок на скатерти.

— Имена этих коммерсантов от криминала известны, вот только взять их с поличным, пока не удастся.

— Скользкие такие?

— Не то слово, у них и покровители наверху серьезные.

Зайцев медленно прошелся по комнате в другой конец и также медленно опустился на диван, покрытый стареньким жаккардовым покрывалом.

— Может, Андрейченко нащупал, что-то такое..., — не закончив фразу, Захаров пощелкал в воздухе пальцами. Словно в ресторане, подзывал официанта.

— Нет, исключено, — отозвался собеседник. — Мы тогда сделали свое дело, и все.

— Понятно, — проговорил майор, доставая из пачки сигарету. — А были у Андрейченко какие-то увлечения? Ну, я не знаю, хобби какое-то?

— Рыболовом он был заядлым, любил на лыжах пройти, шахматы любил, да, чуть не забыл, вроде дневник он какой-то вел.

— Дневник? Это очень интересно, — насторожился Захаров, — Какой дневник?

— Да, я точно не знаю, ну вроде события каждого дня описывал там, я уж точно не знаю...

— А, зачем это ему было надо?

— Как зачем?

— Ну, люди ведут дневник с какой-то целью. Например, чтобы излить душу, запомнить какие-то события. Так зачем дневник вел?

— Он говорил, что на пенсии будет мемуары писать.

— Вот как?

— Да, точно, так и говорил.

— Подожди, Игорь Леонидович, — проговорил Захаров, выпуская струйку синеватого дыма, — Это, что же тогда получается? Раз человек ведет дневник, значит, он отражает события каждого дня?

— Выходит так, — отозвался тот.

— Значит, мы можем предположить, что какая-то часть оперативной информации могла отражаться у него в дневнике?

— Значит, могла, — тихо проговорит Зайцев. — Вы, думаете, что дневник послужил причиной...

— Пока я ничего не думаю, — тихо перебил его Игорь, потирая ладонью лоб! — Не приходилось держать в руках, сей труд?

— Нет, что вы, это же сугубо личное, я его и в глаза то не видел.

— Хорошо, где же он мог хранить свой дневник? Понимаешь, Игорь, эти записи могут помочь нам разобраться, что произошло с ним.

— Да, да, конечно, я все понимаю..., только где же искать эти записи? Разве у его жены спросить?

— Вот, вот! Поинтересуйся у жены. Если я правильно понял, то Андрейченко был опытным следователем?

— Разумеется.

— Значит, должен был понимать, что вольно или не вольно, делая ежедневные записи в свой дневник, он выносит из стен управы служебную информацию. А может быть и секретную.

— Его доброе имя в нашем коллективе..., — начал, было, растерянно Зайцев.

— Да, никто не пытается бросить тень на его доброе имя. Мы же хотим разобраться, что побудило его на такой отчаянный шаг?

— Понимаю, — кивнув, пробормотал тот.

— Вот видишь и ничего более. Мы же, как хирурги, должны аккуратно произвести вскрытие.

— Я, вспомнил! — вдруг воскликнул Зайцев.

— Что именно? — не понял Захаров.

— Ну, врачи же ходят в халатах?

— Ну, да. А, что?

— Я, вспомнил, что пару дней назад, Андрейченко говорил с кем-то, по телефону. О том, что сотрудники и посетители ходят в халатах.

— Он что имел в виду? Какую-то больницу?

— ... Да в том то и дело, что речь, вроде о массажном салоне шла, мне это еще странным показалось.

— Массажный салон?

— Ну, да, он некоторое время присматривался к массажному салону.

— У нас? Что за салон? — озадаченно спросил Игорь.

— Да, конечно у нас, ну этот, — «Аленушка».

— «Аленушка», «Аленушка», — пробормотал рассеянно майор. — И, чем в этом салоне занимаются?

— Ну, вроде, как только для женщин..., ванны, массаж, лекции о красоте, прочие дела.

— Занимаются законно?

— Да, есть вроде лицензия, все как положено.

— Ничего не понимаю, — буркнул Захаров, глядя на дым сигареты. — Надо думать у Андрейченко хватка была бульдожья, не мог он мелочевкой заниматься.

— Конечно, блатные, его даже «секачом» прозвали, — горячо поддержал Зайцев.

— Вот и я про то же. Выходит его, что-то насторожило в этом салоне? Если конечно речь шла

о салоне.

— Не то, что бы насторожило, он, что-то знал, а не говорил. У него привычка была, пока не унюхает, что надо, на оперативках ни гу-гу.

— Игорь Леонидович, сделай доброе дело, найди дневники Андрейченко и привези их мне с возвратом, разумеется. Должен там быть ключ к его смерти, может он и в моих делах мне поможет.

— Хорошо, конечно.

Разговор оборвал телефонный звонок. Звонил Морозов, который уставшим голосом сообщил, что вскрытие Архипа закончено и ему нужно заехать в морг.

— Что-то случилось? — спросил Зайцев, глядя на озабоченное лицо майора.

— Да, нет ни чего особенного. Просто вскрытие одного из ваших подопечных подтвердило кое-какие наши подозрения.

— Не Архипа ли имеете в виду? Знатный был сукин сын.

— Вам не приходилось с ним сталкиваться?

— После последней ходки на зону, на него не было зацепок, так мелочевка всякая. Хотя и приглядывали за ним плотно. И, что с ним?

— Кровоизлияние в мозг, — лаконично ответил Захаров, глядя на плотную фигуру собеседника, влитую в коричневый свитер.

— Кто бы мог подумать! Осторожный гад

был, а загнулся как собака. И чего его нелегкая за город понесла?

— А, если предположить, что его убрали?

— Да, вы, что? В нашем то городе? — искренне удивился тот, — У них же тут все прихвачено, начиная от киосков, кончая банями.

— О! — воскликнул майор, замерев перед стареньким трюмо. — А, чем же они промышляли в банях?

— Да, начиная от пива с воблой, до подачи девочек в номера.

— А, не нашел ли Андрейченко здесь, что-то интересное? Ведь в бане тоже в халатах ходят?

— Не могу утверждать, но в салоне «Аленушка» нет бани, да и вход там только для женщин. А, уж о пиве с воблой и речи то нет.

— Ладно, разберемся, труп Андрейченко не видели? — Захаров внимательно посмотрел в голубые глаза оперативника.

— Нет, после ЧП, даже на этаж никого не пустили... Говорили, что когда его нашли, то на лице у него застыла маска ужаса. А закоченевшие руки, говорили за то, что он кого-то, или чего-то испугался. Одним словом, словно он хотел руками от кого-то защититься.

— Смерть, ни кого не красит, — заметил задумчиво Захаров.

— Да, да конечно. Но понимаете, тут что-то

другое. Словно он перед смертью увидел, что-то такое, что выходило за рамки понимания.

— Может быть, Андрейченко начал стрелять из-за того, что увидел что-то в зеркале? — предположил Игорь.

— Я что-то не пойму, — растерянно, пробормотал оперативник. — А, что можно увидеть в зеркале, если ты один в кабинете? Наверное, свое отражение.

Было видно, что он совсем запутался и с нескрываемым непониманием уставился на собеседника.

— Хорошо, давай Игорь Леонидович, на сегодня прервемся, мне нужно быть в морге у судмедэксперта. На досуге подумай по всем пунктам нашего разговора, а как появятся какие-то соображения, то звони в любое время дня и ночи, вот мои телефоны. Да, и обязательно бумаги Андрейченко нужно найти.

— Все понял, засуетился тот. — Бумаги постараюсь отыскать, ну и подробности гибели Андрейченко вам сообщу.

Ну, вот и договорились, — проговорил майор, протягивая руку.

Оставшись один в квартире, Игорь подошел к

зеркалу, висевшему в коридоре и, упершись руками в стену, стал рассматривать свое отражение. Седые волосы, волевое лицо с большим открытым лбом, изрезанными морщинами. «— Что можно увидеть в зеркале? — подумал он, поправляя галстук. Видимо не все так просто. Неспроста по древним учениям, существует временная и пространственная зависимость между созвездиями, планетами, человеком, растениями, животными и минералами. Все окружающие нас предметы и сами люди постоянно излучают из себя образы. Да, кажется именно так, образы. Они находятся в окружающем нас пространстве, имеют определенную продолжительность жизни. Это своеобразные энергетические сгустки. Радио и телевидение имеют специальные резонаторы, настраивающиеся на нужную длину волны, и тянут информационную энергию в виде потока. Радио образы накладываются друг на друга, усиливаются и проявляются.

Живые существа устроены подобным образом. На любом участке пространства есть невидимая информация. Хотя с другой стороны, чертовщина какая-то, надо на досуге будет подумать». — Захаров зажмурился и, тряхнув головой, вновь уставился в зеркало.

— Тебе, дядя, надо поспать, — проговорил он, глядя на себя в зеркало.

Закрыв за собой двери, Игорь неторопливо спустился во двор. Еще несколько минут и ничем не привлекательный гражданин, в потасканной кожаной куртке, на такой же непривлекательной, сильно потрепанной машине вывернул из двора и растворился в потоке идущих машин. Путь, к городскому моргу, пролегал через центр города, так было гораздо ближе. И по его прикидкам, занял бы от силы, минут двадцать. Но череда событий раскручивалась последовательно, повинуюсь каким — то своим, особым законам. Не успел он проехать и нескольких кварталов, как отработанный до автоматизма прием, позволил, быстро выхватить из автомобильного потока «ручеек». Сомнений быть не могло, «БМВ» синего цвета, аккуратно, на некотором удалении, повторяла все его маневры.

— Что за на хер? — пробурчал он, мгновенно собравшись. Доставая из пачки зубами сигарету.

Ошибка была исключена, «БМВ» с тонированными стеклами не спеша, катила следом, стараясь держать перед собой, несколько машин. Чиркнув зажигалкой, Захаров закурил и, сделав несколько нехитрых маневров, оказался рядом с преследователями в соседнем ряду. Скосив глаза и запомнив номер, Игорь, как ни в чем не бывало доехал до первого перекрестка и, дождавшись

запрещающего сигнала светофора, резко развернул машину двинулся в обратную сторону, мимо безнадежно застрявших в образовавшейся пробке преследователей.

— Любители, — презрительно фыркнул он, увеличивая скорость.

Учебные корпуса медицинской института, среди которых находилось двухэтажное здание городского морга, располагались в сосновом бору. Поэтому величавый, размеренный шум, а главное чудесный воздух, пьянящий своей чистотой, всегда положительно действовали на него. Припарковав машину у въездных ворот, он с удовольствием прошелся по одной из аллей ведущих к небольшому зданию из красного кирпича.

Хозяином печального заведения, где оказываются на временном хранении, бранные людские тела, являлся Рафик Нишанович. Человеком он был по складу характера, общительным и веселым. Даже многолетняя работа в морге, где горе и слезы, должны по своей сути изменить характер любого, на него не влияли. Лишь бисер седины, кучерявой шевелюры, да изрезанное глубокими морщинами лицо с мешками под глазами говорили о том, что людская смерть и страдания оставляют свои отметины, даже на таких 45 летних великанах.

Многолетнее сотрудничество между ним и Захаровым, вылилось в особое отношение, замешенных на дружественных чувствах, вперемешку со служебными обязанностями. И хотя они ни когда не дружили семьями, редко вместе выбирались на рыбалку или охоту, но добрые отношения выстроились таким образом, что один из них мог рассчитывать на помощь другого...

Захаров не по наслышке знал как опыт и интуиция Рафика не единожды оказывала неоценимую помощь во многих путаных делах. На которых можно было махнуть рукой и считать их «глухарями».

— Ва-а-а! — протянул Рафик. — Какие люди посетили наши апартаменты. А почему, без охраны?

— Я, все еще мелко плаваю, — сокрушенно вздохнув, проговорил Игорь, пожимая руку!

— Значит, и не зазнался еще — это же хорошо. Проходи, рассказывай, как жизнь, что к нам привело?

За его не принужденным приветствием, чувствовалась какая-то внутренняя усталость, а большие черные глаза, тем не менее, сверлили гостя озорными искорками. Рафик знал, что Захарова всегда угнетал запах формалина, хлорки, мертвых тел и прочих атрибутов, присутствовавших в

подобных заведениях.

Игорю вспомнилась история, из-за которой Рафику прилепилась кличка «Большой Раф».

Именно так прозвали его студенты, из медицинского института, пришедшие к нему на практические занятия, много лет назад. Когда он, чтобы как-то скоротать время, кормил их холодной кашей в своем кабинете, из-за затянувшихся мероприятий по подготовке к вскрытию очередного покойника.

Когда же несколько студентов пришедших на занятие закончили трапезу, а один из них поблагодарив за обед, посетовал на то, что каша была холодная, то Рафик абсолютно спокойно заметил, что труп старика очень долго лежал в холодильнике. Эта фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы, так как гостей стало мутить, а одного из них, тщедушного, невысокого роста, вдруг покинуло сознание и Рафику с его могучей комплекцией пришлось подхватывать незадачливого практиканта под мышки и нести в коридор, с последующем оказанием помощи.

С тех пор его и стали величать за глаза «Большой Раф».

— Да, я то живу, хлеб свой ментовской жую, а к тебе судьба закинула по поводу одного суконца. Попросил меня Морозов по старой памяти

подмогнуть.

— Кто именно? — кряхтя и тяжело дыша, уточнил врач. Занимая место, за своим столом.

— Да, некто Архипкин Сергей Сергеевич.

— А-а-а-а, — разочарованно протянул тот. — Был такой у нас дохляк. Я его сам резал.

— Меня не интересует официальная хроника, — поморщившись выдохнул гость, — меня интересует твое особое мнение.

— Особое мнение, — задумчиво проговорил Рафик. — Давай, я тебя кофеем напою, со сливками. Да и пирожки есть с капустой, еще горячие, — хохотнул Рафик. Зная особое отношение своего гостя, к приему пищи в его заведении.

— Спасибо, — пробормотал Захаров, судорожно глотнув. Оглядывая светлый кабинет с казенной мебелью. — Я лучше в другой раз.

— Понятно. Тогда грамульку спирта? Ну, для согрева.

— Да, я за рулем, — отмахнулся Игорь. Разглядывая собранный в полный рост скелет человека, из настоящих костей.

— Да, все мы за рулем, — бормотал тот, позвякивая мензурками. — Это же спирт! Напиток богов! И потом, в течение часа после употребления, никакого запаха. Давай по грамулечке, закусывай пирожками.

— Чего пирожки такие маленькие? — спросил Игорь, опрокинув мензурку.

— Да, ведь студент попался худющий, — прошептал тот тихо, Занюхивая пирожком выпитое.

Захарова действительно, всегда коробила и угнетала, эта специфическая атмосфера морга, с резким запахом формалина, в которой его сотрудники запросто могли трапезничать около вскрытого трупа и обсуждать домашние дела.

— И так, какого же особое мнение? — спросил Игорь. Судорожно проглотив кусок пирожка.

— А особое мнение, заключается в том, — Рафик сделал много значительную паузу, закуривая папиросу. — Заключается в том, что он сам себя искромсал перед смертью.

— Вот те раз! — вырвалось у майора. — Как это? Как это сам?

— Не знаю, — пожав плечами, буркнул Рафик. — Официально придаться не к чему! Под его ногтями, частицы его мяса с кожей..., вот так-то. Случай конечно странный, слишком долго я уже жмуриков режу, но добавить ничего не могу, Тебе приходилось присутствовать, когда описывали труп?

— Да, конечно, — майор пожал плечами. — Одежда вся в лохмотья превратилась, местами куски мяса из тела с одеждой вырваны. Разве может

человек нанести себе такие травмы?

— Выходит, что может! Еще как может!

— Что это нам дает?

— Само по себе конечно вроде ни чего особенного, — Рафик, стряхнув пепел и прищурившись, посмотрел на гостя, — перебрал мерзавец, делов — то! А, с другой стороны, в моей практике такого я еще не встречал. Это же боль адская!

— Как это можно объяснить?

— Поверхность больших полушарий головного мозга можно разделить на четыре области, — проговорил тот задумчиво. — Лобную, височную, теменную и затылочную. Все они соответственно имеют разные функциональные значения. Например, в затылочной области расположены центры зрения, в височной — центры слуха, в теменной — двигательные центры.

— И, что все это нам дает? — вновь спросил Захаров закуривая.

— А, то, что у этого дохляка, часть теменной области с аномальными изменениями.

— Как это?

— Капилляры у него в этом месте другого цвета.

— Получается, что алкоголь надавил на это самое место так, что он сам себя растерзал? Странно все это... Может, он болен был чем-то?

— Может быть и так, пока ничего сказать не могу.

— Какими у него должны быть симптомы?

— Как минимум боли в теменной области. Нужно так же обратить внимание, не ставили ли ему диагноз, связанный с нарушениями в промежуточном мозге. Именно там сосредоточены двигательные центры — управляющие разнообразными движениями.

— Хорошо, понято. Есть еще, что-то?

— Сейчас, кофейку налью. Будешь?

— Нет спасибо, я, сгораю от любопытства, — признался Игорь.

— Смотри, не сгори совсем. Так вот, все психические процессы имеют рефлекторную природу. Согласен со мной?

— То есть, они возникают не сами по себе?

— Совершенно верно, они всегда возникают в ответ на те или иные раздражения внешней или внутренней среды. Вся гамма рефлексов крайне разнообразна, возьми, например внезапный укол пальца, рука отдернется, а при виде или запахе пищи появится, что?

— Слюна! Однако, я чего-то не улавливаю, к чему все это ведет?

— А ведет это нас к тому, что при ярком свете зрачки сокращаются, а в темноте расширяются.

— И, что...?

— А, то, что у трупа зрачки были сокращены, хотя пропал он ночью, как мне сказали и погиб той же ночью. Возникает вопрос...

— Откуда взялся свет?

— Абсолютно верно, рефлексy всегда начинаются с нервного возбуждения, вызванного каким либо внешним или внутренним раздражением. И лишь потом заканчиваются определенной реакцией организма.

— По морде этого Архипа видно, что его кто-то или что-то напугало, — задумчиво проговорил Захаров, поигрывая в руках мензуркой.

— Смотри, не заиграй стопочку, вещь казенная, — назидательно произнес Рафик, — А, что касается его, как ты говоришь, морды... Да, пожалуй, что-то или кто-то его очень сильно напугал, только здесь тяжело найти какую-то связь или выстроить, что-то логически.

— Почему?

— Видишь ли, на наши органы чувств всегда воздействуют многочисленные и разнообразные предметы и явления. Между тем в каждый отдельный момент не все они воспринимаются с одинаковой ясностью и отчетливостью.

— Это как? — не понял Игорь.

— Ну, только некоторые из них становятся объектами восприятия. Например, мы с тобой наблюдаем футбольный матч.

— Так и...

— Мы видим публику на противоположных трибунах, стадион с воротами?

— Ну, видим...

— Видим игроков обеих команд, слышим крики, свист и так далее. Все это в совокупности составляет сенсорное поле, в котором отражается постоянно меняющееся в картинках футбольное состязание.

— И к чему мы приходим?

— А к тому, что в этой общей картине мы с тобой в каждый данный момент выделяем какие-то отдельные части, которые воспринимаются с большей отчетливостью, чем другие, — проговорил Рафик задумчиво. Страхивая с халата упавший пепел.

— Например, удар по воротам или неудачную передачу мяча?

— Вот именно, все это отдельные объекты восприятия, выделенные из общего поля, которое по отношению к ним составляет как бы фон.

— Значит, для того, что бы понять и размотать клубок с этим Архипкиным, нам нужно выделить объект из общего фона, который он видел перед смертью?

— Всего лишь, — поддакнул Рафик.

— Спасибо, отец родной, утешил. Как же его выделить?

— А, это уже вам виднее, — развел руками собеседник. — Могу лишь констатировать, что при эмоциях у человека усиливается выделение адреналина, значительно увеличивается содержание сахара в крови.

— А у нашего знакомого содержание всего этого?

— Выше крыши!

— Понятно, значит, осознавал мертвец, что творится вокруг него!

— Безусловно, хотя и под градусом был, — поддакнул Рафик, наливая кофе.

— А можем мы предположить, что на этого Архипкина как-то могло повлиять то, что он смотрелся в зеркало?

— Видать, хорош у меня спиртяшка, если ты такие думки думать начал, — усмехнувшись, съязвил Рафик.

— Нет, я серьезно. Может как-то зеркало повлиять на поведение человека?

— Да, как оно может повлиять? — пожав плечами, пробормотал врач. — Чушь это собачья... Хотя...

— Что хотя?

— Понимаешь..., я знаю, что в магии зеркало, по-моему, является инструментом выхода в тонкие энергетические пространства.

— Выходит, что...

— Погоди, дай подумать. Ну, и вопросик? Давай рассуждать.

— Давай, — согласился Игорь, доставая очередную сигарету.

— Человек воспринимает мир через хрусталик глаза.

— Так.

В глазу человека изображение переворачивается. Грудные дети видят мир перевернутым до шести месяцев, и затем в процессе контакта с взрослыми ребенок ставит мир на свое место.

— Любопытно и что?

— Подожди... В мозгу зрительные пути перекрещиваются, левое идет в правое полушарие, а правое — в левое, и в тоже время сохраняются прямые пути.

— Выходит глаз видит как прямые, так и перекрещенные изображения вместе?

— Выходит так, а еще выходит, что каждый предмет имеет свой фокус восприятия человеком. А прямое зеркало является продолжением окружающего мира без перекрестка, и на изображении в зеркале мы свою левую руку видим справа. Черт его знает, пока ничего не могу сказать.

— Ну ладно, — проговорил Захаров, глядя на часы, — побегу я, хотя нет, еще вопрос. А можно заставить человека делать что-то путем

внушения? — спросил он вставая. — Но так, чтобы тот не знал об этом?

— В медицине есть понятие, замаскированное внушение.

— Вот как?

— Да, это когда больному дают слабое полеативное средство.

— Какое?

— Ну, например, валериановые капли, а к ним в придачу назначают диету, но при этом, как бы, между прочим, настраивают его на ожидание положительного эффекта.

— И помогает? — спросил Захаров, думая о чем-то своем.

— Кому как, — ответил Рафик, разводя руками.

— Да, по всей видимости, валериановые капли это не к нашей истории. Ну, я побежал, если будут новости, звони. Да, чуть не забыл. Сегодня в упре следователь застрелился.

— Я знаю, вскрытие уже сделали.

— Ну и...?

— Криминала нет.

— Может диагноз одинаковый с Архипом?

— Да, нет тут вообще все без вопросов.

Сделав звонок от Рафика Морозову и получив до вечера время на личные нужды, он, с чувством

выполненного долга, отправился домой. Какого же было его удивление, когда выйдя из лифта и подойдя к своей двери он не нашел свою «контрольку», которую всегда оставлял небрежным движением руки уходя из дома. Это могло означать только одно, в его отсутствие кто-то побывал в квартире или находится там, в настоящий момент. Эта неприятная новость заставила мгновенно сгруппироваться, застучать молоточками в висках. Сделав шаг в сторону, он достал из кабуры скрытого ношения пистолет, вслушиваясь с напряжением в повизгивание Тимура, которое говорило о том, что в квартире все в порядке. Вздохнув наконец с облегчением, он внимательно осмотрел замочные скважины. На одной из них ему бросилась в глаза свежая царапина, он даже потрогал ее пальцем, словно сомневался в ее подлинности.

«Значит, кто-то ковырял замок?» — подумал он, прислушиваясь к повизгиванию собаки. — «Значит, и закладка неспроста упала? Интересно сбили ее случайно или все-таки упала при открытии двери?»

Он медленно открыл металлическую входную дверь и замер от неожиданности. Вторая дверь была открыта настежь. Жестом он положил собаку на пол и, стараясь не шуметь, обошел всю квартиру. Но все его попытки обнаружить в квартире хоть

намок на чье-то присутствие оказались тщетны. Все вещи в комнатах стояли на своих местах, и вообще в квартире был порядок.

— Чертовщина какая-то, — пробормотал он, садясь за кухонный стол. — Я точно помню, что закрывал двери и поставил контрольку. Нет, надо вывести собаку и капитально отоспаться. — Пошли гулять, лохматый бес, — проговорил он, похлопывая собаку по загривку. — Зови Тишку и пошли.

Весеннее солнце не спешило радовать жителей города, и на место робкого тепла, весеннего дня с холодными вздохами ветра врывался весенний вечер. Захаров поежился и, подняв воротник, медленно двинулся вслед за собакой. Район, в котором семья Захарова получила квартиру, относился к спальным новостройкам. Каждое утро разъяренные толпы новоселов штурмом брали автобус за автобусом, пытаясь успеть ко времени на свои рабочие места. Именно таким образом население района значительно сокращалось, и целый день вся инфраструктура сферы обслуживания находилась в скужающем состоянии, И лишь к вечеру, трудовой народ начинал съезжаться со всех концов города. Чтобы сладко выспаться и на следующий день с новыми силами пытаться уехать в центральные районы

города, ругая при этом архитекторов, мэрию, все власти вместе взятые и весь белый свет в придачу.

Захаров всегда любил пройтись и подышать не загазованным воздухом, именно в те часы, когда основная масса людей была еще занята на работе.

Подойдя к магазину, Игорь жестом посадил собаку у входа, и уже протянул руку к двери, как рядом раздался скрипучий неприятный голос:

— Какая большая и умная собака.

Проговорил сутулый, неопределенного возраста человек, в обносках явно с чужого плеча. Неприятные, бегающие глазки на фоне небритого лица и острого с горбинкой носа казалось, жили сами по себе. Из-под затасканного до дыр плаща, перехваченного куском бельевой веревки, выглядывал грязный свитер, рваные башмаки довершали удручающую картину.

— Вы, что-то хотели? — спросил майор, глядя на выцветшие спортивные штаны, отвисающие в коленках.

— Я, просто увидел вашу собаку... — начал, было, тот и запнулся на полуслове, опасливо глядя на оскалившуюся морду Тимура.

— Фу, фу, — грозно проговорил Захаров. — И так вы, что-то хотели спросить?

— Я, говорю, хотел узнать, много ли кушает такая собака? — прохрипел, простужено незнакомец.

— Чуть меньше, чем свинья. Вас еще, что-то интересует?

— Да, если позволите.

— Валяйте, — пожав плечами, проговорил Игорь.

— Мне право не удобно, просто я подумал, если человек вашего достатка может позволить себе держать такую собаку, то не сможет ли он подать на кусок хлеба, старому больному человеку.

— Вот возьмите, если вас устроит мелочь, извините, я тороплюсь.

— Да, поможет вам Господь, я буду молиться за вас, — залепетал нищий в след.

Оставив собаку у входа в магазин, Захаров зашел внутрь. Где не спеша набрал полную сумку консервированных продуктов. И так же не спеша подошел к кассе, заняв очередь. Как вдруг его внимание привлекли истерические крики, доносившиеся с улицы. Предчувствие чего-то недоброго, заставили его рассчитаться без очереди, и под негодующее возмущение людей, выскочить на улицу. Собака, сидевшая у входа исчезла, а из-за магазина в проходном дворе раздавались женские вопли.

— Уберите собаку! — верещала женщина истерично. Судорожно прижимая к груди девочку лет пяти. Ее глаза полные неподдельного ужаса, не

мигая, таращились на противоположную сторону, где на тротуаре навзничь лежало тело бродяги. Тимур же поставив передние лапы ему на грудь, в напряженной позе, наблюдал за бедолагой, тихо рыча при этом. Казалось еще секунда, и он вспорет клыками шею несчастного.

— Ти-и-мур! Фу-у-у! — рывкнул Игорь, задыхаясь от злости. — Ко мне! Фу! Собака с явной неохотой посмотрела в его сторону и, поджав хвост, с обиженным видом побрела к хозяину.

— Безобразие! вопила женщина. — Развели тут псарню! Людей всех по перепугали! Я, буду жаловаться!

Извинившись за причиненное беспокойство и пообещав, что впредь ничего подобного не повторится, Захаров взял собаку «на поводок» и поспешил домой. Эта история произвела на него тяжелое впечатление. Его собака, которой он всегда гордился, и которая имела несколько наград, полученных на выставках, повела себя как безродная дворняга. Это было вдвойне неприятно, еще и потому, что Захаров посещал клуб служебного собаководства и считался там одним из лучших кинологов.

Придя, домой, он закончил воспитание собаки и, загрузив в холодильник купленные продукты, отправился спать.

Прошло несколько часов, прежде чем его

беспокойный сон оборвал лай собаки. Он с трудом поднял голову и уставился на пса. Сомнений быть не могло, Тимур среагировал на чужого человека, глядя на входную дверь, и подал голос.

— Кто там? — хрипло крикнул майор, надевая махровый халат. Звонящая тишина словно проглотила ответ незваного гостя. Тогда он осторожно вернулся в зал, взяв пульт дистанционного управления и включил телевизор на нулевой канал. Купленная несколько лет назад система скрытого наблюдения высветила на экране пустую лестничную клетку.

— Это еще, что за дела такие? — пробормотал он, открывая входные двери.

У входной двери действительно никого не было, тишину подъезда лишь нарушало гудение работающего лифта.

Теряясь в догадках, Игорь закрыл дверь и, поискав в вещах висевших на вешалке сигареты, достал из кармана куртки пачку, прошел на кухню.

— Кто же это мог быть? — спросил он, глядя в морду пса.

Тот, вильнув хвостом, с виноватым видом пошел на свое место к двери.

Докурив сигарету и не найдя ответа на свой вопрос он отправился в ванную с твердым намерением принять душ.

— Интересно, о чем думал Кирилин или

Архипкин с бомжем, — проговорил он, глядя на себя в зеркало. — О чем они думали, какие мысли терзали их перед смертью. А ведь мысль — эта тоже энергия, только более тонкая, ее невозможно зафиксировать приборами. Мысль связывает человека с окружающим миром. Человек выпускает из себя энергетический поток на предмет, который он хочет познать. И человек, и предмет в этот момент составляют единую систему. Люди воспринимают определенное качество предмета и всех окружающих вещей или явлений, то есть воспринимают мир в виде символов. Видимо поэтому древние индейцы называли видимый мир «майя» или иллюзия.

Внезапная волна удушья и спазмы в области гортани, заставили его схватиться руками за ворот халата, словно кто-то невидимый пытался свести с ним счеты. Неприятные явления длились не более минуты, которые Игорю показались целой вечностью. Хрипя и отплевываясь, он открыл кран с холодной водой и, не раздумывая, сунул голову под струю воды. Дождавшись пока с потоками воды улетучится неприятное состояние, он медленно поднял голову и посмотрел на свою взъерошенную физиономию в зеркале, по которой градом текли капли воды, срываясь на пол.

— Это еще что за новости? — пробормотал он, вытираясь полотенцем.

В ту же секунду в прихожей раздался мелодичный вой звонка, на который Тимур среагировал поднятием шерсти на загривке и оскалом зубов.

— Тихо, тихо, — прошептал Захаров, укладывая собаку на пол жестом. — Кто там? — крикнул он, стараясь придать голосу спокойную тональность. Ему пришлось на цыпочках подойти к двери и, не заглядывая в глазок повторить вопрос. Неизвестный гость за дверью хранил молчание.

Тогда Игорь медленно, стараясь не шуметь, вернулся в зал и включил телевизионный-охранный сканер. На экране была изображена лестничная клетка, на которой к его изумлению никого не было. Серия коротких нетерпеливых звонков повторилась, вновь отражаясь на экране в виде помех. Хозяин квартиры с беспокойством вслушивался в звонки и не видел на экране своих гостей.

Ничего, не понимая, он окинул взглядом уютно обставленную гостиную и, остановив взгляд, на баре, стоящем в зале, пошел к нему. Мягкий свет зажигающийся, при открывании дверцы залил стоящие бутылки разного калибра и конфигурации, янтарным светом. Подумав, он выбрал бутылку коньяка и, взяв стопку сел в мягкое кресло. Сделал несколько крупных глотков Захаров чуть поморщившись, уставился на экран телевизора. Там

медленно прошагала соседка с дочкой, разговаривая о чем-то, оживлено жестикулируя.

Сделав еще несколько глотков. Захаров неторопливо закурил и, выпустив облако дыма, протянул руку к телефону. Набрал номер и дождавшись ответа телефонистки, попросил соединить его по добавочному телефону. Назвав абонентский номер, он попросил дежурного офицера установить по номеру хозяина «БМВ», которая пыталась «вести» его днем.

— Я перезвоню вам минут через пять, — ответил дежурный.

— Хорошо, я подожду, — пробормотал Игорь, опустив трубку на рычаг.

Положив трубку, Захаров снял тапочки и, положив ноги на журнальный столик, уселся в кресло поудобнее.

«Надо будет до приезда моих, выбрать время, да протереть везде пыль, — подумал он, глядя на легкий налет пыли на журнальном столике. — Пропылесосить ковры на стенах да паласы на полу... Что же это были за звонки? Неужели мне все это показалось? — подумал он. — Но ведь на них и собака реагировала? А у дверей никого не было... Странно все это. Как же разобраться во всем этом? И не расскажешь никому — засмеют! Нужна какая-то мысль, чтобы как Архимеду выйти из положения. Мысль, что такое мысль? —

размышлял он, рассеяно смотря на экран телевизора, где, словно в калейдоскопе мелькали развлекательные клипы. — Мысль внутри нас, ведь это, пожалуй, программа к действию. То есть мысль попадает в кору в виде программы будущего действия. Человек готовится что-то сделать, он, прогнозируя будущие события, словно проигрывает их, как бы уходит в будущее. Затем программа уходит в подсознание, и все тело медленно готовится к действию. — Кто же это писал? Кажется Сеченов, про то, что мысль — это готовность организма к будущему действию. И, что это мне дает? Да, пожалуй, пока ничего».

Звонок прервал цепь его тягучих рассуждений, он на какое-то мгновение даже не понял, что это звонит.

— Да, — бросил он в трубку.

— Машины, за номером указанным вами не существует в природе.

— Даже так? — с интересом уточнил Захаров.

— Вас еще интересует, что-либо? — ответил на другом конце дежурный.

— Нет, все. Большое спасибо, — проговорил Игорь вставая. — Отсутствие результата, тоже результат...

Вновь зазвонивший телефон заставил его опять прервать свои умозаключения.

— Слушаю вас, — проговорил он, хлебнув из

бутылки. Вместо ответа в трубке повисло молчание.

— Ну, говорите же, если позвонили, — спокойно проговорил Захаров. — Хватит дышать томно.

Вместо ответа телефон ответил гудками отбоя.

— Мне все это, начинает ужасно нравиться! — со злостью прорычал он, швырнув трубку.

Подхватив лежащего на паласе кота, он бесцеремонно положил его рядом с собой на диван, и, вытянув ноги, попытался расслабиться. Инстинкт самосохранения пульсировал внутри, словно раскаленная игла. Серия непонятных звонков выбивала из равновесия, она не давала даже намеков на объяснение всего происходящего. Провалившись около часа он, наконец встал, накинул халат и направился на кухню.

«А ведь у христиан, у каждого человека существует ангел-хранитель, а у древних греков было специальное божество, кажется двуликий Янус — с лицом спереди и сзади» — подумал он, глядя на своего двойника в темном окне. — Да, хорошо иметь своего ангела-хранителя, да еще в двух лицах! Кажется, у индусов при соответствующей тренировке, человек может встречаться со своим двойником, да, точно о двойниках упоминается в древней литературе».

— Чушь какая-то, — пробурчал он, тряхнув головой.

Внезапная боль в сердце, словно невидимый кинжал вспорола его тело, сломала пополам, опустила по стене на пол. Он попытался отдышаться, но не понятно по каким причинам, подпрыгнувшее давление, раскаленными молоточками застучало в висках.

Закусив нижнюю губу и зажмурил от боли глаза, он медленно поднялся на ватных ногах, и направился к ванне.

Холодные струи воды, понемногу дали возможность отдышаться и притупили боль.

Что же это за напасть такая? — прошептал Игорь. Повернув голову он поймал взгляд Тимура, полный тоски и отчаяния.

Последнее, что он запомнил, так это пол в ванной комнате, который он сам выложил импортной плиткой, и который вдруг метнулся навстречу, больно ударив в лицо. На этом его сознание померкло, и он провалился в какую-то черную преисподнюю. Он не знал, сколько пролежал на холодном полу и уж, тем более что стало тому причиной. Сквозь дремучую, липкую паутину беспамятства к нему медленно пробилось, что-то такое родное, теплое и вместе с тем шершавое.

Все, все. Ну, хватит, — прохрипел он наконец.

Тряся головой, пытаясь рукой отогнать собаку? — Что же это за напасть такая? — бормотал, он с трудом вставая. — Это, что-то новенькое! Неужели так коварна подкрадывается старость?

Не прошло и часа, после непонятого приступа, как в дверь опять настойчиво позвонили. Захаров резко встал и решительно направился к входным дверям, за которыми стоял улыбающийся Смирнов.

— Вот это да! — воскликнул гость, поздоровавшись. — Вы, мистер никак насиловать кого-то пытались? Или хулиганы поколотили?

— Заходи, не юродствуй, — отозвался хозяин, закрывая двери за гостем. — Не поверишь..., стало плохо в ванной.

— Пить надо меньше, — хохотнув, бросил гость. Вешая куртку на вешалку. — Морозов как чувствовал, зайди говорит к майору, холостяку приятно будет. Ну, а заодно говорит и оперативку проведете на дому. А у тебя тут смотрю дела непонятные разворачиваются.

— Да, проходи уже! Какие дела? — пробурчал хозяин. Осторожно трогая припухшую щеку. — Говорю же, что плохо стало..., никогда такого не было. Пить будешь чего-нибудь?

— Разве, что от кофе не откажусь, — нахмурившись, пробормотал гость. — Значит, зайди в госпиталь, могу завтра подкинуть, прямо с

утречка. А еще лучше, собирайся и заночуешь у меня, что-то видок твой мне не нравится. Тебя Томара моя посмотрит, таблетку какую-нибудь съешь. А заодно и дела наши обсудим! Ну, как тебе мое предложение?

— Чувствую я себя конечно неважно, — признался Захаров, задумавшись на минуту. — Пожалуй я приму твое предложение..., я быстро, проходи в зал, садись.

Обсудив текущие дела, а также возможные причины слезки за Игорем, старые товарищи перебрались в соседний дом, в квартиру капитана Смирнова. С которым Захаров служил когда-то не один год, в одном из подразделений ГРУ, и в деловых качествах которого, имел не единожды возможность убедиться. Небольшая двухкомнатная квартира, обставленная самым необходимым, да несколько боевых орденов и медалей — это все, чем Родина отметила добросовестную службу капитана Смирнова. Который уже давно спал, а его могучий храп казалось, висел в каждой комнате. Захаров же сидел на кухне и в гордом одиночестве, менял ненавистные компрессы, которые со слов самого Смирнова должны «вытянуть» всю опухоль. Дымил сигарету за сигаретой все пытаюсь проанализировать то ситуацию с Архипом, то про странное недомогание, то про странные звонки.

Дождавшись долгожданного звонка будильника, который и поднял хозяев, Игорь, сославшись на то, что нужно побриться и принять душ, отправился к себе.

Выйдя из кабины лифта, Захаров внимательно осмотрел свою металлическую дверь. Закладка, которую он оставил поздно ночью, когда уходил к Смирнову, находилась на своем месте. Облегченно вздохнув, он вставил ключ в замочную скважину и, открыв двери, шагнул в прихожую.

То, что в квартире, в его отсутствие, что-то произошло, он понял, практически сразу, как только включил свет. Впервые за несколько лет, его не встретил Тимур, а все вещи, висевшие на вешалке, валялись на полу. Казалось, что кто-то с ненавистью терзал и кромсал их, стараясь разорвать на куски поменьше.

Не обращая внимания на бешеный стук сердца, он резко выхватил пистолет и сжав холодную рукоятку, медленно, затаив дыхание, двинулся по коридору, держа наготове оружие. Следы пребывания в квартире посторонних наблюдались повсюду, казалось, что злоумышленники, что-то искали, разбивая и уничтожая со злостью все на своем пути. Ему вдруг показалось, что в одной из комнат кто-то тяжело вздохнул. Сжавшись, словно пружина, он ударил подошвой ботинка дверь, ведущую в спальную

комнату, упершись в стену спиной. И в ту же секунду влетел туда сам. Среди рваных книг, вещей, хлопьев перьев от пуховых подушек валялись окровавленные внутренности с кусочками шерсти разорванного кота Тишки.

— Что же все это значит? — прошептал Игорь, задыхаясь от ярости. Медленно осматривая обои, забрызганные каплями крови.

Наконец он понял, что среди всеобщего беспорядка, четко просматривалось две закономерности. Первая говорила о том, что злоумышленники не искали, что-то конкретное, а просто крушили все на своем пути. И вторая закономерность свидетельствовала о том, что незваные гости были небольшого роста, не более метра пятидесяти. Потому как все вещи за этой незримой планкой были не тронуты.

— Тимур! — крикнул он наконец. Услышав тяжелый вздох, доносившийся из-под деревянной кровати. — Что случилось, старина? — бормотал он, глядя на взъерошенного пса.

Собака смотрела на него с отсутствующим взглядом. Подернутые желтым налетом белки глаз, оскаленная пасть из которой хлопьями свисала пена с тягучей слюной. Все указывало на то, что пес либо ранен, либо тяжело заболел.

— Сейчас, сейчас я тебя достану, — бормотал Захаров, отодвигая кровать дочери.

О событиях происшедших в следующую секунду он не раз будет вспоминать в будущем, ища ответы на вопросы, он вновь и вновь будет мысленно возвращаться в свою уютную, трехкомнатную квартиру на пятом этаже. Вновь и вновь он будет пытаться анализировать свои поступки, а также поступки окружающих его людей.

Скорее каким-то шестым чувством, он вдруг ощутил какое-то легкое движение. И лишь потом, в падении, закрывая голову вытянутой рукой, он увидел огромную тень, метнувшуюся на него. Острая боль обожгла запястье. Прошло какое-то мгновение, прежде чем он осознал, что это его собственная собака вспорола ему клыками запястье руки.

Выстрел в замкнутом пространстве разорвал тишину с какой-то особой яростью. Тупая пуля, войдя в горло собаки, вырвала на выходе кусок ее затылка, разбросав вокруг студенистые куски мозга.

Ошарашенный таким поворотом событий Захаров лежал на боку, переводя взгляд то на струйку дыма, идущую из ствола пистолета, то на свою руку, стиснутую челюстями собаки. Наконец резкая боль в запястье и кисловатый запах сгоревшего пороха, вернул его к реальности. Сев на пол, он с помощью ствола разжал зубы собаки и,

оттолкнув труп любимца, медленно встал. Облокотившись плечом на стену, достал зубами из мятой пачки сигарету и жадно закурил.

Только сейчас он обратил внимание на резкую, все возрастающую боль в области запястья. Собачьи зубы раздавили браслет с часами, который, словно тупая бритва разорвал в нескольких местах кожу с мясом. Из ран теплыми струйками обильно текла кровь, а рукав плаща до локтевого сгиба медленно становился влажным.

— Хорошо хоть вены целы, — пробормотал Игорь, направляясь в кухню. Достав из холодильника пузатую литровую бутылку заморской водки, он закатил рукав, и щедро залил раны, морщась от боли. Затем нашел в шифоньере медицинскую аптечку и наложил на руку повязку, через которую тут-же проступили кровавые пятна.

— Что же это, получается? — спросил он своего двойника в зеркале, садясь на диван. — Тебя, специалиста по собакам, чуть не задрал собственный пес, которого вырастил, которого кормил с соски? Это что-то вообще за гранью понимания. Что же тут могло произойти ночью? Что могло случится с Тимуром? — бормотал он, дымя сигаретой и не находил ответа.

В этот момент зазвонил телефон. Это была дочь, которая сообщила о том, что они с мамой

добрались до бабушки и что дела у нее с их приездом пойдут теперь на поправку. Передав привет маме, он пообещал обязательно поцеловать собаку. И лишь, после того как они простились, и гудки отбоя в телефонной трубке подтвердили окончание разговора, он со всей силой, грохнул трубкой по телефонному аппарату...

— Игорь Владимирович, — донеслось из прихожей. — Двери вообще-то лучше закрывать.

— Проходи. Сергей Михайлович, — пробурчал майор. — Извини за беспорядок.

— Собираешься в химчистку? — спросил тот, подозрительно перешагивая через кучи разбросанных вещей, — Что тут у тебя творится? Что с рукой? Почему еще не собран? Порохом воняет? Что ты тут делаешь? Зачем собаку застрелил? Ты что с ума сошел?

— Чего-то я себя не важно чувствую, — признался Захаров, жадно глотая дым. — Ты, езжай наверное, а я в госпиталь мотнусь и подтянусь..., а на беспорядок не обращай внимание..., я потом все объясню.

— Ну, думаю ты знаешь, что надо делать. С рукой-то, что?

— Да так ерунда, заживет, — отмахнулся тот.

После ухода Смирнова, он привел себя в порядок, решив, что уборка в квартире займет

много времени и что лучше будет сделать это после визита к врачу, двинулся к выходу.

Зазвонивший телефон остановил его уже у двери. Это был Зайцев, тот самый следователь из УВД, с которым его свел Морозов, на конспиративной квартире.

Из его взволнованного монолога Игорь понял, что он нашел что-то чрезвычайно важное на даче Андрейченко. И, что к нему нужно срочно подъехать, так как везти такие документы одному не безопасно. Уточнив, как его найти, майор побежал в сторону кооперативных гаражей.

Каково же было его удивление, когда он обнаружил, не успев проехать и двух кварталов все тот же «ручеек». Сомнений быть не могло все тоже «БМВ», с затемненными стеклами, уверенно катилась за ним следом.

Досада на то, что придется потерять какое-то время, бешено заклокотало в груди.

— Ну, ну, — процедил он не добро. Глядя в зеркало заднего вида. — Сейчас я вам охотку кататься отобью. Пожалуй, это будет побыстрее, чем разбираться с вами через ГИБДД. Любители!

Проехав еще несколько кварталов, Захаров понял, что на сей раз за ним «катятся» отнюдь не любители.

Водитель уверенно держал дистанцию, не обращая внимания на «дешевые» трюки преследуемой машины.

— Ладно, волки! — рывкнул майор. Поняв, что оторваться на приличную дистанцию не получится. — Я до вас за городом доберусь, потерпите маленько. Ишь, устроили тут Сицилию, мать вашу!

С этими словами он утопил педаль и стал откровенно нарушать правила дорожного движения, дразня тем самым своих преследователей. Заставляя их принять его игру.

Выехав за город окольными дорогами, он резко свернул с трассы на проселочную дорогу. Захаров мог себе позволить такое, прекрасно понимая, что для того, чтобы убить его, совсем не обязательно было тащиться следом через весь город. Он специально то сокращал, то увеличивал дистанцию, не давая преследователям обойти себя со стороны. Наконец подыскав подходящее место, резко нажал на тормоз. Протяжно взвизгнувшие тормоза, занесли машину, поставили ее поперек дороги, поднимая при этом клубы пыли.

Преследовавшая его машина едва успела затормозить, чтобы избежать столкновения и, проскочив метров двадцать по кустам, остановилась.

Открыв дверцу и поставив ноги на землю,

майор с деланным равнодушием прикурил сигарету, не переставая боковым зрением контролировать ситуацию. Готовый к любому развитию событий.

Вот дверки «БМВ» одновременно открылись, и из них выскочила несколько бритоголовых крепышей, одинаково одетых в потертую джинсу и кожаные куртки.

«Не менты — это уже хорошо», — мелькнула у Захарова мысль.

— Нет, вы посмотрите! — тут же завопил один из них, как будто приглашая, своих пассажиров в свидетели. — Эта падла перегородила дорогу! А я из-за него чуть «тачку не хлестал». Да я тебя сейчас на куски порву, а ну выходи, волчара!

С этими словами, бритоголовый хотел схватить Игоря за воротник куртки, но не успел. Ловко захватив левой ногой пятку противника, тот тут же нанес сокрушительный удар между ног другой. Взвившись, словно его тело было выстреляно из пушки, он в одно мгновение очутился на груди нападавшего, доля секунды и раскаленный прикуриватель, влетел в разинутый от боли и удивления рот.

Истошный гортанный вопль разорвал тишину пригородной лесополосы.

Двое его дружков, видимо не ожидали столь бурного развития событий, были так удивлены, что на мгновение перестали двигать массивными челюстями, коими перетирали импортные резинки.

— Ну, чего стали, псы? — равнодушно спросил Захаров, разминая кисти рук. — Не как в штаны навалили? Крутые? Да? Мать вашу.

Было видно, что бритоголовые занервничали, переглянувшись, они стали еще сильнее шевелить челюстями.

— Да, я тебя, падла, сейчас «попишу», — зарычал басом один из них и двинулся на Игора.

Раздался характерный щелчок выкидного ножа.

— Ну, ну, — проговорил майор и зло сплюнул, — давай попробуй.

Резко пнув правой ногой по руке с ножом нападавшего и, мгновенно развернувшись вокруг своей оси, Захаров ударил подошвой ботинка в область виска. И хотя прием был проведен не совсем идеально, но и этого оказалось дос таточно. Еще один из славного семейства дегенератов с выдвинутой массивной челюстью и вдавленным лбом, вытаращив от боли глаза, рухнул на землю, так и не поняв, что же произошло.

Заметив, что оставшийся крепыш был уже совсем рядом. Захаров ушел кувыркком через

голову, в сторону, от мощного удара биты, раскроившей бы его голову наверняка. Второго удара у бандита не получилось, он смог только замахнуться, Резкий выпад ногой в область сердца, швырнул его на землю, а до Захарова донесся хруст грудной клетки, и сдавленный крик нападавшего.

— Ну, вот вроде и все, — устало проговорил Игорь. Окинув взглядом место сражения.

Ивовые заросли были настолько густыми, что практически полностью скрывали все происходящее от посторонних глаз. И вообще место было идеальным для проведения таких мероприятий. Когда-то тут велись промышленные разработки песка, и теперь все вокруг напоминало лунный ландшафт, который с течением времени утонул в ивовых зарослях, которые упирались в лесополосу.

Проверив пульс у двоих нападавших, и убедившись, что они просто находятся без сознания. Захаров повернулся и двинулся к третьему, который уже успел оправиться от удара и теперь тихонько отползал к кустам, глупо моргая при этом.

— Я, сейчас тебя убивать буду, — проговорил майор, подходя.

— Ты, чё — ё — ё, дурак что ли? — истошно заверещал бритоголовый. Глядя на его перекошенное лицо. — Мы же так, пошутили. Ты чего, мужик?

— А у меня с юмором херово, — ядовито прошептал Игорь. Поднимая увесистую палку. — Сейчас я тебе покажу, как с помощью подручных средств, можно вытащить из человека душу, — проговорил он. Переворачивая пинком бандита на спину.

— Ну, чего ты как пацан, — бубнил тот.

— На кого шестерите? — медленно произнес Захаров, ткнув концом палки в бровь.

— Вах! — крикнул тот, хватаясь руками за глаз. — Ну, чего ты в натуре? Я тебе чего пацан, что ли? — еще пытался хорохориться уркаган. Не внятно шепелявя распухшим языком, источая резкий запах паленого мяса.

Захаров. владевший в совершенстве навыками, допроса военнопленных в боевых условиях зло усмехнулся и медленно процедил:

— Гляжу я на тебя, кабан и никак понять не могу. Говна ты обожрался или сникерсов?

— А-а-а-а-а, — взвился тот. Получив короткий удар палкой по ключице.

— На кого шестерите? — повторил свой вопрос Игорь. Ткнув палкой в ноздри.

— Это все Валет, Валет! — заверещал тот. —

Это все он! И машина его! Я езжу по доверенности! — частил шофер, заливаясь слезами. Которые, стекая смешивались с сочившейся из разбитой брови кровью. — Я, больше ничего не знаю. Ты мне нос сломал в натуре!

— Я тебе сейчас не только нос сломаю, я тебе сейчас голову отщипну, — начал, было, майор и осекся.

Его внимание переключилось на стоящее поодаль «БМВ». Ему показалось, что там, в его салоне, возникло какое-то движение. Не меняя положения тела, он скосил глаза в сторону машины. Так и есть, кто-то опустил до половины заднее стекло, а из темноты салона появился подрагивающий ствол автомата.

Мгновенно среагировав, майор ударил пленника палкой по лбу, а сам, кувыркнувшись несколько раз, оказался в ложбинке. В тот же миг приоткрытое окно разорвалось грохотом автоматной очереди, а раскаленный металл, тугой струей вспорол лежащего на земле водителя.

— Сколько же вас там? — с досадой прошептал Захаров, злясь на самого себя. — Чуть «не обули», как пацана.

— «Ту-ту-ту-ту-ту!» — застучал вновь автомат, взбивая вокруг причудливые фонтанчики из песка.

— Так, понятно, еще один любитель, —

проговорил он, прислушиваясь к тому, как защелкали пули по камням, гораздо выше.

Быстро осмотревшись по сторонам, Игорь пришел к выводу, что место, где можно «чинить» разборки, конечно же, отвечало большинству требований. За городом, вдали от любопытных глаз, на проселочной дороге, среди ивовых зарослей. Нет тебе ни дачников, ни случайных прохожих или машин. Однако все эти преимущества имели место при рукопашной схватке. Когда же в дело вступила тяжелая артиллерия в виде автомата Калашникова, да еще в километре от поста ГИБДД, где звуки автоматных очередей, конечно же, уже слышали. А это меняло все расклады, так как появление в лучшем случае патрульной машины, а в худшем грузовиков с ОМОНОм вообще не входило в планы Игоря. Все эти затяжные бои с последующим составлением протоколов и объяснений ни как не совпадали с его намерениями побыстрее встретиться с капитаном Зайцевым.

Именно поэтому он стал лихорадочно искать пути к отступлению. Тем временем один из нападавших на него мордоворотов сел на землю, держась при этом за голову руками.

— «Ту-ту-ту-ту», — раздалось вновь.

На сей раз, пули звонко зацокали по потрепанным «Жигулям» майора.

— А-а-а-а-а! — вдруг истошно зашелся сидевший на земле. Держась за локоть правой руки.

Видимо одна из пуль, срикошетив, зацепила ему руку.

Воспользовавшись замешательством, Захаров короткой перебежкой сменил позицию и теперь явно имел все шансы разобраться с горе-стрелком, который даже не соизволил покинуть машину. Все говорило о том, что преследователи не ожидали такого поворота событий и были явно не готовы к ним.

Новая позиция значительно увеличивала обзор и позволяла переломить ситуацию, но осмотревшись, он вдруг увидел метрах в двухстах патрульную милицейскую машина, которая медленно двигалась в их сторону.

Эта новость была явно не из хороших. Захаров понял, что его коллеги будут теперь останавливать любую машину, а значит и выскочить отсюда на машине становилось невозможным. А задержание с последующим оформлением всех формальностей, могло вылиться в несколько часов, в лучшем случае. А это явно давало накладку на встречу с Зайцевым, который уже сидел где-то за городом, на даче Андрейченко. Да, еще с настоящей бомбой по его словам, в виде записей погибшего следователя. Все было бы ничего, и майор особо не волновался бы, если бы не фраза Зайцева о том, что ему

показалось, что его кто-то «ведет». А это уже было серьезно, это уже могло вылиться в непредсказуемые последствия.

Поэтому Игорь избрал тактику тихого отхода. Бросив автомобиль с пробитыми скатами, он пригнулся и короткими перебежками стал уходить через ивовые заросли в сторону трассы, пробираясь местами через камыши под истеричный лягушачий гомон. Уже поднимаясь по насыпи к снующему потоку машин до него донесся вой милицейских сирен и яростную стрельбу, которая впрочем, быстро оборвалась.

Он долго не мог остановить попутную машину, так как его перепачканный вид видимо не внушал проезжающим особого доверия.

Наконец ему удалось остановить МАЗ, груженный щебнем и, пообещав водителю, приличное вознаграждение он, откинувшись на спинку сиденья, сделал вид, что задремал. Ему не хотелось обсуждать никакие темы, уместные в данной ситуации. Он просто хотел свести в какую-то логически осмысленную систему все происходящее. События помимо его воли разворачивались, словно по какому-то дьявольскому сценарию с все нарастающей скоростью. Гибель Архипа, который, по мнению Рафика сам вспорол себе горло, нападение собственной собаки, потом это непонятное, ничем

не обоснованная слежка шестерок Валета. Да, конечно же, он слышал про этого авторитета преступного мира, да он зал, что его группировка хорошо организована. Но причем тут слежка? Что ему бандиту было нужно от него, Захарова. Он вспомнил историю как этот самый Валет, сделал головокружительную карьеру в преступном мире за короткий срок. Все вехи его доблестного пути проходили так или иначе по костям своих врагов или корешей, а начинал нынешний авторитет с должности рядового боевика и кликуху ему эту «приклеили» в ту пору. Шли годы, рос его зэковский стаж, рос авторитет. Его уже не решались называть в разговоре Валетом, но эта кличка плотно муслировалась за его спиной.

«Зачем же этому Валету знать, чем я занимаюсь и куда я передвигаюсь? Нет, не спроста все это. Может, эти желания вытекают из каких-то других дел? Которые были раньше и по которым мелькали люди этой группировки? Надо будет посмотреть архив, — подумал он. — Почему же чувство опасности не проходит, не становится хотя бы смазанным? Ведь любые чувства делятся какое-то время, временем непосредственного действия причины, которая их вызывает или временем воспоминания о них. Человек смотрит футбольный матч, испытывая сильное чувство, наблюдая игру в футбол, но оно проходит по

окончании матча. Он может вновь испытать это чувство, воспроизводя в памяти картину данного матча. Я же с некоторого момента не могу переключиться на спокойный ритм. А почему? Я просто испытываю своеобразное беспокойство или неудовлетворенность, потому что не понимаю относящихся к данным явлениям обстоятельств, их связи друг с другом. Да, видимо это одна из причин такого состояния. Ведь приятное чувство легкости мышления возникает тогда, когда мысли текут свободно, упорядоченные факты выстраиваются в логическую последовательность. Побыстрее бы они выстроились в эту самую логически последовательную цепь».

Наконец груженная машина сбросила скорость и, взвизгнув тормозами, остановилась на обочине дороги.

— Прибыли, сударь, — проговорил шофер, вытирая руки о свою рабочую куртку. — В хорошем месте у вас участок, природа, воздух, рыбалка опять же. А у меня говно одно, теща взяла сразу за городом, чтобы значит, близко было, а там камень на камне, прости господи!

Рассчитавшись с шофером. Захаров направился по едва заметной дорожке, которая петляла среди березовой рощи. Чистый воздух кружил голову, отвлекал от тягостных мыслей и

чувств. Умывшись у колодца и напившись ледяной воды, он торопливо зашагал дальше.

Вскоре деревья закончились, а тропинка уперлась в глухой забор садоводческого товарищества, ему около часа пришлось петлять по кривым улочкам, в поисках нужного адреса. Редкие дачники с явной неохотой указывали направление, подозрительно осматривая странного визитера, явно не относящегося к их разношерстной публике, перепачканного болотной тиной. Захарову же было глубоко наплевать на их мнение, по поводу его помятой внешности. Сейчас он был как гончая, которая идет по следу и для которой абсолютно не имеет значения все происходящее вокруг, кроме дичи мелькающей впереди.

Подойдя, наконец, к нужному дому, он внимательно осмотрелся. Никого из соседей на участках видно не было, а дом явно имел заброшенный вид и давно не посещался.

«Что-то тут не так», — подумал Игорь. Глядя на нетронутый песок дорожки ведущей к дому. — «Зайцев внятно назвал этот дом, где якобы он и дождетя его приезда. Но на двери висит замок, по дорожке уже давно никто не ходил. В чем же тут дело?».

— И спросить не у кого, не сезон, — пробормотал он, окинув взглядом не большие домики с пустыми участками, на которых уже

шелестели молодой листвою садово-ягодные насаждения.

Калитка оказалась не запертой и распахнулась с жалобным скрипом. Не найдя ничего подозрительного он двинулся по дорожке к деревянному дому с закрытыми ставнями. И хотя домик имел более чем скромный вид, говоря о небольшом достатке своего хозяина, тем не менее, все от фундамента с забором до крыши было покрашено заботливыми руками. Поднявшись на высокое крыльцо, Игорь подергал огромный замок и, убедившись, что его давно не открывали, распахнув ставни, заглянул в окно. Нехитрая обстановка подтвердила предположения, в доме никто давно не появлялся.

Нащупав под одеждой в кобуре скрытого ношения оружие, он снял его с предохранителя, и стал медленно обходить дом. Дойдя до небольшого сарая, наспех сколоченного из досок разного калибра, до него вдруг отчетливо донеслось чье-то покашливание. Ошибки быть не могло, там кто-то был. Достав пистолет, майор осторожно приблизился к двери, и резко толкнув ее плечом, шагнул внутрь.

Кто здесь? — спросил Игорь.

Опусти оружие, майор, а то еще пальнешь ненароком, — пробурчал Смирнов. Жуя что-то с равнодушным видом.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — сдерживая раздражение, спросил Игорь. Пытаясь осмотреться в сумраке сарая.

— Утром сегодня, милиция твою квартиру вскрыла с понятыми, — отозвался тот. Продолжая щелкать семечки.

— Ничего не понимаю? — чертыхнулся майор, садясь на перевернутое ведро. — Милиция вскрыла мою квартиру? Зачем?

— Ну, да, — подтвердил Смирнов, садясь рядом на корточки.

— На каком основании?

— А, кто-то из соседей позвонил утром по «02» и сообщил, что в твоей квартире стрельба.

— И что?

— Ничего, прибыл наряд, вскрыл дверь с понятыми из КЭЧ, нашли гильзу... ну и еще кое-что.

— Понятно. А тебя сюда что занесло?

— Так, я же и говорю, что Морозов тревогу «сыграл».

— Из-за гильзы?

— Из-за нее, из-за машины, которую нашли за городом. А про этот адресок мы из телефонных переговоров узнали.

— Все понятно. Здесь давно уже?

— Да, около часа.

— Никого тут не замечал?

— Да, нет тут никого, — махнул рукой Смирнов, поежившись. — С прошлого года похоже никто здесь не бывал.

— Странно все это, — пробормотал Захаров. Глядя на протянутую Смирновым, портативную радиостанцию.

— Старик просил, как тебя найду, чтобы позвонили,

Закурив сигарету, майор набрал номер начальника отдела.

— Рад слышать вновь твой голос, — пробасил тот, откашлявшись, — встреча состоялась?

— Нет, Зайцева на даче по указанному номеру не оказалось.

— Понятно, возвращайтесь в контору и за рапорт садись.

— За какой рапорт? — не понял Игорь.

— Ну, должен же ты объяснить, что за жертвоприношение со стрельбой устраиваешь дома. Каким боком оказывается твоя машина за городом, посреди криминальной разборки.

— Все понял, — кивнув, буркнул тот. — Валим отсюда! Что-то тут не так.

Лишь приехав в контору и наведя справки, стало ясно, что случилось что-то внештатное — капитан Зайцев пропал. Не появлялся он и на службе, не ночевал дома, не сдавал табельного

оружия. Объявлен его розыск.

— Ну и дела, — пробормотал Морозов, внимательно выслушав Захарого. — В жизни ничего подобного не слышал.

— Так точно, — ответил Захаров, задумчиво. — Куда же капитан мог пропасть?

— Если жив, то даст о себе знать, а вот если нет... Все значительно усложнится, ведь где его искать теперь никто не знает. Ладно, давай-ка, уточним для порядка без протокола. Ты сам эту заварушку за городом сочинил или на тебя действительно напали?

— Я же только хотел спросить, чего им от меня надо! — выпалил Игорь.

— И все? — недоверчиво уточнил Морозов.

— И все!

— Понятно, значит официальная версия, — это на тебя было совершено нападение. Так?

— Так точно. Можно вопрос?

— Валяй.

— Как свою машину забрать и допрос нападавшим учинить?

— В бой значит рвешься?

— Пока ублюдки еще теплые. Ведь за чем-то этот самый Валет посылал их за мной посмотреть.

— Ладно, попробуем подкрутить, — проговорил начальник, снимая трубку телефона. — Андрей Иванович? День добрый, это Сергей

Петрович беспокоит... Как жив, здоров? Да, да, который из «мутного» ведомства, — Морозов подмигнул майору. — У меня тут проблема вырисовывается... Нет, нет, что ты, что ты. Мои к этому не причастны..., да, да, на моего сотрудника нападение было совершено... Да, на седьмом километре. А, вот как с задержанными побеседовать? Да, нет, мы их не хотим отобрать, хотя можно в «автозак» и к нам перевести. Гонялись долго? Ну, хорошо — это ваши клиенты, мы не возражаем, только мой человек подъедет, побеседует с ними. Что вы говорите? Прямо как в кино — ну ладно, Андрей Иванович, будь здоров, спасибо, что не отказал. Ну и заварил ты кашу майор, — проговорил Морозов, задумчиво потирая подбородок. — Без стрельбы нельзя было обойтись?

— Петрович, не разу не пальнул, это у них придурок какой-то из машины шмалял как ненормальный.

— Не он, а она, — с раздражением проговорил начальник. Расхаживая по кабинету, скрестив руки на груди.

— Вот как! То-то она из машины нос не показала. Взяли?

— Нет, к сожалению, взяли только двоих, а баба отстреливалась до последнего.

— Застрелили?

— Два пулевых в голову...

— Понятно. А эти двое?

— Допрашивать можно будет, к сожалению одного.

— А второго? — спросил майор, теребя зажигалку.

— Второй совсем плох, ему пуля попала в шею. Выживет, не выживет не известно, одним словом пока в реанимации. Ладно, валяй в СИЗО, а уж потом в госпиталь, если пятки «горят».

— Есть, командир, — встрепенулся Игорь. — Я этого дегенерата вмиг «запрессую», — проговорил он с готовностью. Придерживая искромсанное браслетом запястье, которое неприятно саднило.

— Заскочи к себе домой, возьми вещи на первое время. Поживешь пока на одной из наших конспиративных квартир. На квартире у тебя пока засада посидит. Все понял?

— Так точно!

— Начальник внимательно посмотрел на перепачканную куртку майора, со сломанным замком. Мятые брюки, туфли заляпанные грязью, засаленный ворот белой рубашки, фасонистый галстук с каплями засохшей крови.

— Ну и видок у тебя, — процедил он разочарованно. — У Смирнова сменка есть в шифоньере, иди и переоденься у него в кабинете.

Давай, а то негоже в таком виде в гости ехать, хоть и в СИЗО.

Умывшись в туалете и причесав назад взъерошенные волосы. Захаров поднялся в кабинет, где застал за одним из столов обложившегося бумагами Смирнова.

— А-а-а-а, — протянул тот, удовлетворенно потягиваясь. — Как инструктаж?

— В пределах нормы, — буркнул Игорь. Беспардонно роясь в шифоньере. — Собирай материал на группировку этого Валета, я буду чуть позже.

— Куда сейчас? — озабочено спросил капитан, закуривая сигарету.

— В СИЗО, хочу познакомиться с одним из тех бандитов что меня пасти пытались.

— Возьми меня с собой, — подавшись вперед, проговорил Смирнов.

— Нет, что ты! Ты же убьешь его! А, мне нужна доверительная беседа.

— Жаль, а то если что скажи ему, что есть, мол, такой дядька, который может брюки с ногами на шею завязать, — проговорил он, разминая с остервенением кисти рук.

— Хорошо, я ему обязательно намекну. Потом нам нужно будет разобраться с тем кабачком, в котором Архип, перед тем как пропасть гулеванил. Найти надо бармена, который в тот вечер видел

Архипа последним. Если он сегодня работает, то мы должны нанести туда визит и познакомиться с ним поближе. Что скажешь?

— Я завсегда пожрать готов! — воскликнул тот, пожав плечами.

— Мне звонил кто-нибудь?

— Нет, а вот Нишанович удивил в конец.

— Рафик?

— Ну да. Твой судмедэксперт присутствовал при выдаче трупа Архипа.

— Что родственники объявились? — уточнил майор, садясь на край стола.

— Ну, вроде, если считать бритоголовую братию его семьей.

— Ну, ну и что? Не тяни.

— Один из них, ругнувшись, сказал, что это дело рук шамана.

— Кого? — не понял Игорь.

— Шамана, — разведя руками, отозвался капитан.

— Это еще, что за фрукт?

— А, пес его знает. В нашем банке данных нет, у ментов сейчас ищем, может у них на него что есть.

— Ну, ну ищите. Я скоро приеду, Шамана нам только и не хватало.

Весь путь, который проделал майор на

дежурной машине до СИЗО, он напряженно думал: «Все ли сделано для того, чтобы правильно организовать начатое расследование. Морозов выполнил свое обещание, для ведения охоты были выделены необходимые силы и средства. Теперь круг поиска значительно расширился. В квартире сидела засада, а для его непосредственной охраны к нему был приставлен человек со служебным автомобилем. Кроме того, несколько человек приступили к разработке бандитской группировки возглавляемой Валетом.

Для снижения вероятности утечки информации было принято решение не обращаться за помощью к руководству УВД и УФСБ. И лишь в случае крайней необходимости, на завершающем этапе, предполагалось подключение к работе региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Сейчас же в начальной стадии их неформального расследования было важно собрать достоверную информацию по широкому кругу вопросов. Изучить бандитское окружение, их связи и степень подчиненности.

В Центр, по закрытым каналам связи ушла специальная телефонограмма, где обосновывалась необходимость, используя оперативные возможности базы данных центра, собрать информацию по региону о преступных сообществах, в кругах которых упоминается

преступник по кличке Шаман.

Уладив все положенные в таких случаях формальности, Захаров очутился, наконец, в чреве мрачного потемневшего от времени изолятора временного содержания, построенного еще в царской России.

В комнате с решетками на окнах, которую администрация предложила ему для проведения допроса, не имелось ничего кроме стола, двух стульев, прикрученных намертво к полу. Спертый воздух давно не проветриваемого помещения, казалось, висел в нем, изрыгая запах пота, табачного дыма, мастики и сапожного крема.

Сдув пыль со стола, майор бросил свою папку с бумагами и подошел к окну. Поиски форточки не увенчались успехом и он, сокрушенно вздохнув, достал пачку сигарет. Данный СИЗО ничем, пожалуй, не отличался, да и не мог отличаться от многих других, в его функции входила временная изоляция одной части общества от другой, не больше и не меньше.

— Арестованный для допроса доставлен, — доложил старшина. Тяжелая дверь с лязгом захлопнулась, оставив Игоря с человеком, внешний вид которого мог вызвать только жалость. Не было и намека на то, что какое-то время назад, этот самый арестованный, готов был не задумываясь

всадить в тело лезвие выкидного ножа.

— Проходи, Андрей Борисович Зубов, присаживайся. Разговор у меня к тебе имеется, — проговорил Захаров, закуривая.

Он уже детально ознакомился с имеющимися материалами, знал имена и отчества нападавших, их клички.

— Не о чем нам с тобой разговоры разговаривать, — пробубнил бритоголовый с оттопыренными, мясистыми ушами, садясь на стул.

Судя по заплывшим глазам с налитыми кровью белками, разбитым и опухшим губам, ему здорово досталось при задержании.

— Вот те на! Я к тебе с почтением по имени и отчеству обращаюсь, а ты со мной говорить не хочешь. Чего так вдруг, «Зубило»? когда ты пером махал, мы же так и не познакомились.

— Зачем девку застрелили? Ей еще и двадцати не было! Обкуренная она была! Понял?

— Ты из меня слезу, то не дави, — проговорил Захаров, садясь за стол. — Стреляла она в меня, а не я в нее, это первое.

— А, второе чего?

— А во-вторых, я тебе про нашу встречу расспросить хочу. Зачем за нож хватался?

— А, ты докажи сначала, что я перо включал! Сбегай сначала, найди его, начальник, а потом и разговоры разговаривать будем. А, до тех пор я

законопослушный гражданин. Никого не трогал, жил себе спокойно. Ну, что съел? — бритоголовый ослабился, показав два ряда желтых кривых зубов. — Меня ведь и перед твоим приходом уже допросить пытались, статья ми пугали, по морде настучали, — гоготнув пробормотал он. — Только все это пустые хлопоты, начальник. Напугали ежа голой задницей! Ха-ха.

— Крутой, да? — уточнил задумчиво Захаров. Медленно выпуская табачный дым, чувствуя, как кровь ударила в голову и застучала в висках. Проснулась дремавшая лютая ненависть, которой он ненавидел подобных этому здоровенных детин, которые отравляют жизнь окружающим. Яростно защекотало в груди. — Я, ведь с тобой и по-другому поговорить могу, — прошипел он сквозь зубы.

— Ага, уже где-то слышал, — безразлично отозвался Зубов. Трогая огромную шишку в районе виска.

— Ну, как знаешь! — рявкнул Игорь. Вставая с перекошенным лицом.

— Ты, чего? — с опаской взвизгнул тот, втягивая бритую голову. Видимо, что-то подсказывало в оставшемся от пьянок мозгу побаиваться этого мента, уставший вид которого не так давно, так ввел его в заблуждение.

— А, ну встань суконец, — процедил майор. С

металлом в голосе, подходя к задержанному.

— И не подумаю, не имеешь права, — огрызнулся тот. Шевеля влажными, опухшими губами.

В то же мгновение большой и указательный палец Захарова в долю секунды, словно стальные клещи, впились в ключицу верзилы и «взяли» ее на излом.

Вах! — крикнул тот, мгновенно уткнувшись лбом в край стола.

В ту же секунду, дверь со скрипом приоткрылась, а в проеме показалась озабоченное лицо старшины, с дубинкой в руках.

— Кается, падла, — проговорил морщась Захаров. Кивнув на скрюченного Зубова. — Об администрации СИЗО плохо отозвался.

— А-а-а-а, — протянул тот понимающе. — Я ему потом добавлю.

— Ну и? — спросил Игорь, когда дверь закрылась. И тут же, не смотря на боль в запястье, вогнал на такой же манер два пальца под нижнее ребро задержанного. — Будем говорить или подумаем?

— Удем, удем, удем, — сдавлено хрипел Зубов, вытаращив от боли глаза.

— А, я тебе не верю, — с сомнением прошипел Захаров. Глядя как побледнел от перехваченного дыхания допрашиваемый.

Захваты плавно двинулись в разные стороны. Пуговицы на рубахе Зубова оторвались и с треском подпрыгивая, разлетелись по полу. А у фирменных кроссовок без шнурков образовалась лужа мочи.

Уду, уду, — на из дохе шептал тот, с пеной на губах.

Майор отпустил допрашиваемого и, сделав шаг назад, предоставил возможность телу сползти в собственную лужу.

— Ты, свою крутизну в сортире показывай, а мне не стоит, не люблю я это. Уловил?

Здоровенный детина сидел на полу, и казалось, был занят только своей ключицей и ребром. Закусив губу, он раскачивался из стороны в сторону, молча плакал, но, услышав вопрос, энергично закачал головой в знак согласия.

— То, что ты овца, я и без тебя знаю. Но мне интересно, зачем вы за мной кружили? Кто же пастух твой? Вопрос понятен?

— Да, да, конечно, — затараторил тот, размазывая слезы. — Приказали посмотреть.

— Кто приказал?

— Валет и приказал.

— Он на ипподроме частенько тусуется?

— Да, у него там свой бизнес.

— На лошадок ставит?

— Ага, ставит, — ответил тот, шмыгая

носом. — Ты мне кости поломал, гад.

— Скажи, спасибо, что не голову. Ему какой резон меня пасти?

— Я, правда, не знаю.

— Может Шаман попросил? — со сделанным безразличием уточнил майор, внимательно наблюдая за реакцией.

— Да, я то откуда знаю? Может и Шаман, — отозвался тот, пожав плечами. — Это их расклады и меня они не касаются. Мне Валет дал ключи от машины, показал твою фотокарточку, предупредил, что ты шустрый малый по части езды на машине.

— И, что?

— Ну и сказал, мол, катайся, посмотри, что за фрукт, чем дышит.

— Адресок, где живу, тоже дал он?

— Конечно, я б тебя еще сто лет не видел.

— Не хами, а то больно сделаю! Скажи лучше, где Шамана мне сыскать?

— А, черт его знает. С ним даже Валет только по телефону разговаривает, а мы то его и в глаза не видели. Ты мне, наверное, ключицу с ребром поломал, я дышать не могу, — простонал бритоголовый, заваливаясь на бок после очередной попытки встать.

— Я же тебя попросил из меня слезу не давить, — со злостью прошептал Захаров..., садясь на край стола, — А, то сейчас косточки в другую

сторону разверну. Уловил?

— Уловил, уловил, — быстро ответил тот, шмыгая носом.

— Объясни мне как это Валет, с твоих слов, почти не видится с Шаманом, а под его дуду так пляшет?

— Да, хрен их разберет, — ответил Зубов. У Валета и спроси. Мое дело телячье, подай, принеси и в стойло.

— Не надоело на побегушках — то быть?

— А, ты не как на заводе работенку мне хочешь предложить? От гудка до гудка гнутьяся?

— Ну, насчет работенки мысль хорошая. Только тебе ведь сейчас на лесоповале корячиться придется за бесплатно. О работе надо было раньше думать.

— Если докажешь, — огрызнулся Зубило.

— Докажем, докажем. Ты мне лучше вот что объясни... Может Шаман с Архипом дружбу водил? Знаешь такого?

— Кто же этого придурка не знал? — шмыгая носом отозвался тот.

— Почему придурка? — удивился Захаров.

— Да, потому что с ним не возможно договориться ни о чем было. Он же сразу в морду дать норовил, скотина. Жил как скот и сдох как пес шелудивый. А насчет дружбы, ты чего-о-о? — протянул бритоголовый, пытаясь встать. — С быка

упал, что ли? Архип Шаману в подметки «не уперся». Шаман — это величина, его кликуху даже Валет шепотом называет и то в своем кругу.

— Он, что в законе что ли?

— Не-е-е, его вроде никто не короновал.

— Пришлый, что ли?

— Я, правда, не знаю, у Валета спроси.

— Спрошу, спрошу, конечно, спрошу, — задумчиво проговорил Игорь, закуривая новую сигарету. — Ну, смотри сучара, если врешь, вернусь по кускам порву.

— Да, ладно тебе ужастики «плескать», — огрызнулся тот. — Дай лучше закурить.

— На, закури. А кого еще Валет просил «попасти»?

— Разные черти были, — ответил задержанный. Пытаясь прикурить дрожащими руками прыгающую сигарету.

— На дачах никого не водили?

— А, я почему знаю. У Валета и спроси. Лично я нет.

— А в салоне «Аленушка» быть приходилось?

— Да, он же для баб только, — хмыкнул Зубило, судорожно затягиваясь.

— Ладно, вот тебе пачка сигарет и живи пока.

Уже у самой двери Захаров остановился и, резко повернувшись, пристально посмотрел на Зубова, который с трудом пытался подняться с

бетонного пола.

— Можно уводить, — бросил он старшине, выходя в коридор. — Ему что-то плохо стало.

На выходе из дежурки Захаров позвонил в отдел.

— Да, Петрович, это я. Задержанный обыкновенный попугай, ничего особенного он мне не поведал. Сейчас еду в госпиталь, а потом приеду расскажу.

«Шаман, Шаман, нет, раньше не встречал» — думал он, направляясь к машине. — Сколько их развелось после развала империи? Шаманы, Валеты, Зубилы и им подобные уже решили, что поймали за бороду самого Бога. Кто-то лысину побрил — стал боевиком, кто-то пиджак малиновый напялил — стал «новым русским». Многие из них в свое время комсоргами были, сказки про коммунистический рай рассказывал, да про «загнивающий» капитализм на собраниях под красным стягом. Потом быстро сообразил, что к чему и из стяга пиджачок пошили. Теперь они вроде как перестроился и уже не ругают огульно такое явление как спекуляция. Теперь они сами бизнесмены, коммерцией занимаются. Теперь их мир — это акции, биржи, баксы, факсы. Их бывшие одноклассники и глазом моргнуть не успели, глядь, а они уже «новыми русскими» стали. Боевички до

перестройки волосы носил по пояс, песни орали под гитару с портвейном. Но они тоже подросли и тоже перестроились на новый лад. И вот уже зовутся они не хулиганами, а боевиками. И в джентльменском наборе держат уже не только ножичек, а пистолеты да коротко ствольные автоматы. Жвачку научились жевать, наглеть на виду у честного народа. А, что демократия! Гуляй братва, ваше время прошло!»

Уже выходя через КПП госпиталя, после своего визита к врачам, Игорь обратил внимание на человека, стоящего около его служебной машины. Это был Смирнов, появление которого здесь могло означать только одно — что-то случилось.

— Что за время такое, — пробурчал Игорь. Открывая дверцу машины, зло сплюнув при этом. — Ты как черный ворон, Сергей Михайлович, — Что стряслось?

— Есть две новости, одна хорошая, а другая, не очень. С которой начать? — безразлично спросил тот. Садясь рядом с водителем.

— Начни с хорошей.

— Звонила твоя жена, просила передать, что скоро они с дочерью приедут.

— И, что же тут хорошего? — пробурчал Игорь, закуривая сигарету.

— Не понял? — удивился тот.

— Куда я их приведу? На квартире засада, бардак каких свет не видывал.

— Да ладно, до их приезда может уже, и снимем ее, а порядок наведешь не маленький!

— А, вторая новость?

— Наш бармен, ну тот который последним Архипа видел, взял отпуск без содержания.

— Вот те раз! — воскликнул майор, — Уже слинял?

— Нет, собирается завтра, сегодня у него последняя смена вечером. Думаю с ним нужно обязательно познакомиться.

— Ты намекаешь на то, что сегодня вечером, нам нужно ехать в тот кабачок?

— Именно это я и хочу сказать, — утвердительно кивнув, буркнул капитан. — Где мы его потом искать будем? Сам посуди.

— Да, вот дискотеки мне на сегодня только и не хватает, на ночь глядя.

— Да, ладно тебе. Дел — то, с барменом поболтать, да и расслабиться не мешает. Столько навалилось всего.

— Пойдем без прикрытия?

— У нас же свободная охота, — разведя руками, отозвался Смирнов. — И потом, там же одни доходяги собираются.

— А наша легенда?

— Залетные кореша, ищем Архипа, а дальше

по обстановке.

— Может подстраховать? — спросил шофер.

— Нет, Вадим, отвезешь нас к этой норе вечерком, а сам отдыхай. Завтра будет тяжелый день, а пока давайте вещи майора перевезем, старик переезжать заставил на хату.

Небольшой частный ресторанчик под названием «Трактир», пользовался в городе дурной славой. Во-первых, находился он на окраине города, что уже создавало проблемы с транспортом в вечернее время. Во-вторых, тут радушно встречали любого посетителя, что позволяло собираться всякой публике одетой как в дырявое трико с тапочками на босу ногу, так и интеллигентно одетым посетителям в мятых брюках с засаленными галстуками. Было так же известно, что наряды милиции приезжали сюда без особого удовольствия. А если и приезжали, то лишь за бутылочкой горячительного.

Район утопал в темноте, то ли по причине того, что местные власти экономили электричество на рабочем, районе, то ли потому что все лампочки выкручивались «законопослушными» гражданами. Поэтому, два ярких фонаря освещавших, вывеску «Трактир» и ступеньки, ведущие в подвальное помещение, казались в этой кромешной темноте единственным местом, где теплилась жизнь.

— Чего, господа изволят? — спросил невесть откуда появившийся администратор.

— Господа изволят пожрать, — развязно ответил Смирнов, оценивающе осматривая погруженный в темноту зал, отделанный деревом под старину, в русском стиле.

Умело выхваченный художником пейзаж на дальней стене, российской глубинки с ее бескрайними уходящими до горизонта полями, кудрявым березовым лесом, создавал какую-то своеобразную ауру. Интерьер дополняли деревянные столы и стулья, которые удачно вписывались в мерцающий свет разноцветных светильников, отражавшихся в многочисленных зеркалах.

— Вы столик заказывали? — уточнил администратор.

— На Иванова Ивана Ивановича, — той же тональностью ответил Смирнов, покачиваясь в такт музыки.

— Ага, был такой заказ, — быстро смекнув, пробормотал администратор и, протянув руку, проговорил. — Прошу за второй столик, полистайте пока меню.

— Ишь, как старается, — проговорил Игорь. Усаживаясь поудобнее, осматривая подпитую публику исподлобья.

— А, у нас с тобой рожи ментовские, —

хмыкнул в ответ капитан.

— Видимо так и есть.

Вскоре на столе появилось несколько кружек пива с душистой корюшкой и крабовыми палочками.

— Еще будем что-нибудь заказывать? — уточнил официант.

— Принеси-ка, братец бутылочку водочки, рюмки и пару салатов с колбаской.

— Не много нам будет? спросил Захаров, провожая взглядом официанта.

— Да, что ты, — отозвался Смирнов, чистя аппетитную рыбешку. — Пиво — херня, а вот корюшка ничего.

— А где же наш доходяга?

— Скоро он появится, народу прибавится он и вынырнет.

— Значит, эта нора и была вотчиной Архипа?

— Выходит так, — пожав плечами, отозвался капитан. Опустошив на одном дыхании кружку.

— Что же тут могло случиться?

— Хочется верить, что нам про эту задушевную историю скоро поведаст бармен...

— А ведь вполне возможно, что именно тут Архип подбирал, а может, и торговал своими девицами. Посмотри вон их сколько, на любой выбор.

— Ну, что же он был не оригинален.

Помнишь знаменитое утверждение, что путь к мужчине лежит через его желудок? Над этим утверждением можно конечно и посмеяться, но во многом это утверждение верно.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда-то давным-давно, когда я был молод, пришлось мне побывать в одном полулегальном заведении, но ту кухню я запомнил на всю жизнь.

— И чему же там потчевали гостей? — спросил Захаров, закуривая.

— К столу подавали афродизаки.

— Афродизаки?

— Ну да, афродизаки.

— Это снадобья, которые вызывают половое желание?

— Да, их так нарекли в честь богини любви Афродиты. Путем различных трав, специй были созданы снадобья, которые резко повышали не только сексуальный интерес, но и увеличивали возможности мужчин и женщин на любовной стезе... А, вот и наша водочка. Посмотри Игорь Владимирович, бутылочка отпотевшая, да под такие салатки. А?

— Да, да, конечно. И, что же это за снадобье такое великолепное?

— А, например, василистник не только кстати регулирует работу желудка, но и распаляет женскую страсть, женщины аж в истерике бьются.

— Вот как? Его бы Архипу посоветовать.

— Зря смеешься! Им кстати, наши предки посыпали помидоры. А знаешь, как блюдо называли? — спросил Смирнов, разливая водку.

— Как?

— Яблочками любви. Ну, давай по маленькой. Игорь Владимирович, за наше дело!

— Ну и как яблочки?

— Да выше крыши, — проговорил Смирнов, опрокидывая рюмку. — А я после того ужина по потолку неделю бегал, честное слово, — признался он, аппетитно хрустя закуской.

— Слышал я, что такие препараты продаются нынче в секс — шопах. Но говорят, что они не безопасны, да и дороги собаки.

— Сдуру можно, что угодно сломать. А вообще в диете любви прекрасно ориентировались древние греки и римляне.

— Слышал про их авторитет в этой деликатной сфере, — отозвался майор, лениво ковыряясь вилкой в салате, наблюдая за тем как незаметно помещение бара наполнялось посетителями.

За всеми столиками, которых было около двух десятков, вальяжно развалившись, сидела разомлевшая публика. Лица, которой размывал висевший в воздухе табачный дым, сквозь который пробивался мягкий свет светильников.

— А знаешь, какой самый распространенный рецепт у них был? — спросил капитан, наливая водки.

— Какой?

— Молотый черный перец, смешанный с семенами крапивы. К этой «адской смеси» добавляли лук, яйца и мед. Вещь была, скажу я тебе!

— И, что помогало?

— Все стояло, все трещало, — рассмеявшись, отозвался тот. Опрокидывая очередную рюмку. — А вот и наш герой.

— Пожалуй, нам пора поторопиться, — проговорил Захаров, глядя исподлобья на качающего в такт музыки бармена. — Куртку не снимает, бабочки нет, глядишь еще и слиняет. Идем, а то еще и правда утопает!

— Чего желаем? — спросил тот, услужливо улыбаясь.

— Поговорить бы, — буркнул майор, облокотившись на стойку, пристально глядя на невысокого роста, худощавую фигуру бармена лет 25.

— О чем? — вздернув брови, живо уточнил тот. Проводя рукой по прилизанным назад волосам.

— Про Архипа, — бросил равнодушно Смирнов.

Было видно, как благополучие моментально

слетело с бледного холеного лица, а тонкие пальцы нервно задрожали.

— А чего это мне с тобой разговаривать про Архипа? — Стреляя по сторонам черными глазками, проговорил тот не уверено.

— Понимаешь, — медленно проговорил Игорь, — кореш он наш. Мы тут собственно проездом у вас. Хотели Архипа повидать, привет ему «занести», а нам какую-то хероту несут про него.

— А. я, я..., — собственно его близко не знал..., да я вообще мало, что знаю, проговорил бармен, нервно теребя полотенце.

— Ну, тогда расскажи, что знаешь, — подхватил Смирнов, глядя исподлобья.

— Да с какой это стати я вообще что-то должен рассказывать? — овладев наконец, собой, недовольно пробурчал тот подрагивающими губами.

— Тебя же по-хорошему просят, — зло прошипел капитан. Схватив собеседника за руку.

— Хорошо, хорошо, — быстро залепетал тот, кривясь от боли. — Боря! Ко мне друзья пришли! Я отойду с ними на минутку.

Спустившись вниз по скользким ступенькам в подвал, где все было заставлено какими-то ящиками, упаковками баночного пива и компотов.

Из-за штабелей разнокалиберных коробок занимавших практически все свободное пространство разговор состоялся прямо в проходе, под тусклым светом лампочки и гулом работающих холодильников.

— Ну, мужики? Чего вам надо-то? — лепетал бармен, явно волнуясь.

— Архипа кто-то завалил? — спросил Игорь, закуривая.

— Да бог с вами мужики, было же и вскрытие... Сам он... Понимаете? Сам он с дуру себя покалечил, а потом и бритвой по горлу саданул...

— А, мы слышали, что он Валету чем-то помешал, — просипел капитан, глядя на бармена в упор.

— Да, что вы мужики! Они даже когда-то, я слышал, вроде корешами были, — бормотал бармен.

Было видно, что его периодически пробивает нервная дрожь, а закуренная им сигарета дрожала вместе с трясущимися руками.

— А, может, он Шаману дорогу перешел? — задумчиво проговорил Захаров.

— Мужики! Не знаю я больше ничего. Если нужно, что-то узнать, то обратитесь к Валету. Он сейчас все после Архипа подбирает.

— Это почему? — угрожающе рыкнул

Смирнов.

— Так, ведь сходяк был, ну сразу, после того как Архипа нашли. Ой, мужики, ну чего вы из меня жилы тяните? Не знаю я больше ничего. Ну, чего вы с расспросами пристааете? Я человек маленький!

— Хотим узнать, что стало с нашим корешом, вот и все, — ответил твердо майор, пожав плечами.

— Ведь ты же его последним видел?

— Да, вы чего охренели? — встрепенулся бармен, жадно затягиваясь. — Он отсюда на машине какой-то свалил. Вот у шофера того и спрашивайте!

— У какого шофера? — спросили «кореша» в один голос, переглянувшись.

— А, я откуда знаю! На машине он отсюда уехал! — взвизгнув выпалил бармен, По лицу которого текли крупные капли пота.

— Расскажи, что было тут в тот вечер, когда он пропал? — не унимался Захаров.

— Что тут было? А, что тут было? Сидели они в тот вечер как обычно, гулеванили крепко. Часа в два ночи..., я тогда извиняюсь в сортире был... Вдруг по двери кто-то пинком как шарахнет. Я из кабинки выглянул, а это оказалось Архип заваливает. Весь красный как рак, а сам вот так руками, ворот рубахи оттягивает, словно его кто душит. Уперся лбом в зеркало, бельма вытарацил и бормочет что-то.

— А, что же он бормотал? — уточнил капитан, почесывая кулаком стену у головы бармена.

— Да, черт его знает! Перепил, наверное, я вообще на него больше не смотрел. Думал, он рыгать начнет.

— А он?

— А, что он? Постоял с минуту, потом как закричит, как резаный: «Иду! Иду!» И всё.

— Что, всё? — не понял Игорь.

— Да так, выскочил через подсобку на улицу и уехал. Больше его никто и не видел живым.

— На какой машине уехал? — уточнил Смирнов.

— А я откуда знаю! Я в этот момент задницу, извините, вытирал. Слышал, что машина заурчала. Мужики, я больше ничего не знаю, правда. Мне работать надо, а все расклады у Валета узнайте.

— Хорошо? Спасибо тебе братан, — пробубнил Захаров, задумчиво, — ты нам здорово помог Толик. Спасибо тебе и иди, конечно, работай.

В этот момент наверху послышался шум и чей-то грубый голос позвал.

— Эй! Рыжая задница? Ты, что там онанируешь что ли? Давай быстрее, народ жажда мучит!

— Иду, иду, — завизжал Толик, обрадовано. — Ну, все мужики, я побежал. А?

— Давай Толик, только не надо никому говорить об этом разговоре. Ладно? — попросил майор, похлопывая бармена по плечу.

— Хорошо, хорошо, — зачастил тот, быстро поднимаясь по лестнице.

— Ну, что скажешь? — задумчиво спросил Захаров. — Что думаешь по поводу этого доходяги?

— Да хрен его знает! Вроде правду говорит, да и резона ему врать вроде бы нету.

— Все верно. Ладно, идем за столик, еще грамм по сто «тяпнем», да «сваливать» отсюда надо. Не ровен час, нам захотят вопросы задать, а, по ходу в туалет завернем. Глянем, куда двери ведут, в которые Архипкин сквозанул.

— Логично, идем.

Пройдя в полумраке по залу мимо столиков с подвыпитыми посетителями, они направились к двери с мужским профилем на табличке.

— Вход платный, — пробубнил сидевший около вертушки за столом здоровенный детина. С надвинутой на глаза спортивной шапочкой, лениво жуя что-то.

— И сколько? — спросил Смирнов, доставая бумажник.

— По трехе с носа, — флегматично ответил контролер, почесывая грудь.

— Чего же так дорого? — посетовал капитан, уплатив взнос. — Овес, что ли подорожал?

— Ладно, ладно, не умничай, — промычал детина, пряча деньги.

— А билетик? — любопытствовал Захаров.

— Там есть бумага, — процедил контролер. Поправляя ворот выдавшего виды свитера, в крупную клетку.

Тускло освещенная туалетная комната, напоминавшая перевернутую букву П, не отличалась идеальной чистотой и порядком. Тишину нарушало журчание воды, да чьи-то сладострастные причитания с левой стороны. В конце небольшого коридора, на подоконнике, покачивая ногами, сидел такой же, как и контролер на входе амбал. В спортивном костюме, с безразличным видом куря папиросу. Его круглое, покрасневшее, давно не бритое лицо довольно расплылось в улыбке. Батарея пустых банок из-под пива стояла на подоконнике рядом, сам же детина с короткой стрижкой, что-то сытно мурлыкал, слушая плеер.

— Ну, чего уставились? — промычал он. — Если труху слить, то сюда подгребайте, а нет, так в другом конце места хватит.

— А можно? Да? — заискивающе спросил Смирнов, играя роль простодушного «лоха», пытаясь определить по стонам, сколько человек в кабинках.

— Можно, можно, — хохотнул амбал. — У

нас сервис не тяп-ляп.

Гляди-ка можно, — глупо улыбаясь, пробормотал капитан, подмигнув Захарову.

— Может просто уйдем? — поморщившись, проговорил Игорь. Отрицательно покачав головой.

— Да, брось! Интересно же! — отозвался Смирнов. Явно распаляясь от всего происходящего.

В этот момент стоны и характерные звуки в одной из кабинок достигли своего апогея, еще секунда и оттуда вывалился пьяный мужик.

— Кла-а-ас, — пьяно икнув, протянул он. Кивая в знак одобрения амбалу. И нетвердой походкой застегивая на ходу ширинку, засеменял к выходу. А из кабинки показалась взъерошенная с короткой стрижкой голова с пепельными волосами. Перепуганные глаза пронзительно-голубого цвета, с крупными чертами лица, ярко накрашенные, толстые губы, скривившиеся от боли, говорили о том, что хлеб насущный зарабатывается каторжным трудом.

— Вовчик, я больше не могу, — шмыгая носом, проговорила девица. Со слезами на глазах. — Этот кабан мне сережкой ухо порвал.

— А ну покажи, — заботливо проговорил амбал, сплевывая на пол. Дверь кабинки распахнулась и оттуда выскользнула крупного телосложения девица в вязаной кофточке, под

которой колыхались тучные груди. Короткая кожаная юбка с широким ремнем, перетягивающим талию словно муравью.

— Фигня! До свадьбы заживет! — весело заржал Вовчик. — Вытри губу, тебя клиенты ждут.

— Ну, Вова-а-а, — гнусаво протянула девица, подтягивая руками чулки. — Пускай Надька обслужит, а я пока хоть курну.

— У него и курнешь, — захохотал амбал, кивнув на Смирнова.

— Так ведь она малолетка, — разочаровано протянул Сергей. Глядя на толстые икры ног, обтянутые черными чулками в сетку.

— Сам дурак! — внезапно взвизгнула кукла, скривив крашенное личико.

— Мужик, ты это..., — проговорил детина с угрозой в голосе. — Или плати или дергай отсюда. Ты чего тут, как мать Тереза, за нее «пишешься»?

С этими словами он спрыгнул с подоконника и в развалку двинулся к посетителям, разминая на ходу кисти рук. Короткий, но резкий удар капитана в кадык отбросил амбала на стену.

— А-а-а-а! — заголосила кукла, забившись в угол.

— Ах ты падла, — захрипел Вовчик, держась за горло. Выпучив глаза и хватая ртом воздух, словно рыба оказавшаяся на берегу, он медленно

сползал по кафельной стенке, оставляя на ней кровь от разбитого затылка.

В ту же секунду дверца рядом с Захаровым распахнулась и оттуда показалась физиономия перепуганного мужика лет сорока.

— Чего кайф ломаете? — пролепетал он, дыхнув перегаром. Хранивший до сих пор молчание Захаров мгновенно схватил похотливого проходимца за нос и выдернул его из кабинки.

— А ну быстро на горшок и спать! — рявкнул майор, глянув в кабинку. На забившуюся в угол, перепутанную насмерть девицу лет шестнадцати.

Та быстро закивала в знак согласия, часто моргая при этом крупными накрашенными ресницами. Безвольное тело любителя орального секса напряглось и задергалось, он попытался натянуть штаны, тихо скуля. Ударом ребра ладони по шее Игорь буквально пригвоздил его тело к бетонному полу.

— А-а-а-а, — опять истошно закричала кукла.

— Заткнись! — рявкнул Сергей.

Крик мгновенно оборвался, а девица, вжав голову в плечи, затравлено уставилась на хрипящего Вовчика.

— Вы, чего тут творите? прогудел басом, появившийся сзади продавец билетов.

Он глупо таращил выпученные глаза, пытаясь сообразить, что же происходит на его территории.

— А мы тут вместе бумагу ищем, — ответил Захаров, медленно направляясь к нему.

— Я те сейчас башку расквашу, — прогудел тот, поняв, наконец, что произошло.

Могучий кулак прошелестел над головой увернувшегося майора и со страшной силой врезался в зеркальную стену туалетной комнаты. Послышался хруст лопнувшего стекла, и только потом мимо проплыло грузное тело, падающего по инерции продавца билетов.

Однако к чести последнего и в отличие от жалобно стонущего Вовчика, он на удивление быстро вскочил, заняв оборонительную позицию боксера.

Ах ты, сука, — шептал он, кривясь от боли в разбитой руке.

Не давая противнику перевести дыхание. Игорь демонстративно хлопнул в ладоши перед его перекошенной физиономией, и в ту же секунду нанес сильнейший удар ногой в живот противника. Тот, сломавшись в поясе, завертелся на месте как юла. Следующий удар ноги в глаз швырнул его на писсуар, с которого он медленно свалился на пол, судорожно хватая воздух ртом, рядом к хрипевшему на полу Вовчику.

— Дергайте отсюда! — рявкнул Смирнов девицам. Открывая кран с холодной водой.

— Нужно уходить, — тихо проговорил майор, глядя на входную дверь. А, то тут сейчас веселая гоп-компания соберется по наши души.

— Я, теперь принципиально из этого гадюшника не уйду, — проговорил капитан умываясь. — Я же не на службе уже, значит, имею право отдохнуть.

Захаров понял, что товарища «сорвало с резьбы». Именно за эту черту в его характере, появившуюся в последние годы, с ним многие из сослуживцев и не любили ходить в питейные заведения.

Если какой-либо хам начинал, по его мнению, себя недостойно вести, то Смирнов начинал воспитывать его хорошим манерам, как обычно все заканчивалось тем, что в итоге собиралась приличная группа желающих образумить самого Сергея.

В конце концов, он хлопал в ладоши и приглашал всех следовать за ним на улицу а, оказавшись на свежем воздухе, начинал в открытую куражиться над новыми знакомыми. Легкий бег на небольшой дистанции от преследователей только распаял последних, которые по простоте душевной пускались вскачь из последних сил, пытаясь сократить дистанцию и жестоко наказать наглеца. Им и невдомек было, что человек, бегущий

от них с испуганным лицом, бегают каждое утро, по три-пять километров, в зависимости от свободного времени. Кидает ручную гранату почти на сто метров и вообще обладает очень хорошей физической подготовкой. Понимание этого приходило к ним тогда, когда группа преследователей делилась на три части. Первая из которых, тяжело дыша и ругаясь, останавливается не пробежав и тридцати метров, вторая — до пятидесяти и. наконец, самая немногочисленная третья группа, которую убегающий буквально сметал на землю, зацепившись рукою за фонарный столб. И используя кроме физической подготовки энергию, приобретенную во время бега.

Часть второй группы, как правило, оказывало ему вялое сопротивление. До первой группы, которая уже успевала отдышаться, дело, как правило, не доходило, она разбегалась кто куда.

Игоря и самого частенько «накрывала» тихая ярость, от расплывшегося «рвань» и где-то в глубине души он был солидарен с товарищем, а при случае сам старался частенько отбить охоту кривляться приבלатненной братии.

— Ну, хорошо дверь глянем и вернемся в зал, за столик, — проговорил Захаров примирительно.

— Идем, — охотно отозвался капитан, вытирая лицо носовым платком. Заказав еще пива и

корюшки, они продолжили пиршество, не обращая никакого внимания на ненавистные взгляды толпившихся у входа вышибал.

— Желаем еще что-то? — спросил официант, нервно теребя блокнот.

— Нет, спасибо, — ответил майор, — мы еще посидим немного и пойдем.

— А может водочки по чуть-чуть? — уточнил официант, пытаясь угодить.

— Пошел на хер! — рявкнул Смирнов, потряхнув головой.

— Понял, — быстро ответил тот. Было видно, что такое обращение для него привычное дело.

— Видел как девочки по пристроились? — процедил Сергей, закуривая. Он все еще не отошел от разборки. — Устроили из державы притон! Ишь, хари по-наедали, — зло процедил он, глядя исподлобья на изрядно выпившую публику бара. — Сидят билетиками торгуют, вместо того, чтобы пахать. И малолеток в разврат тянут.

— Ты прав, конечно, — поддержал Игорь. — Только ведь все эти Сонечки Мармеладовы тоже хороши. На наркотики, да на губнушки им тут хватает, уколуются или курнут и снова жизнь прекрасна, у каждой из них жизнь искалечена. Если разобраться, каждая из них мужиков терпеть, не может.

— Это еще почему? — спросил Сергей,

отхлебывая пиво из кружки.

— Ну, если бы все мужики после работы, чинно и важно к своим женам, да детям шлепали. Так они бы и не таскались по сортирам общественным. Но меня сейчас больше волнует другое, — признался он, закуривая.

— Что именно?

— Когда эта публика, начнет на нас кидаться со своими любезностями. Видишь, билетера с амбалом уносят? Видишь, как они зубами щелкают, на нас глядя.

— Пошли они все..., куда подальше. Они все с виду такие крутые, а ковырни их нутро, одно дерьмо прокуренное, да пропитое.

— Ну, давай сменим тему, — согласился Игорь, потягивая пиво. — Вот ответь, кто отсюда мог увезти Архипа?

— Да фиг его знает, — пожал тот плечами. Осматриваясь по сторонам.

— А, что он мог увидеть в зеркале.

— Слушай, а чего мы все за него «паримся»? Может, мужик сутенерством занимался, а сам импотентом был? Представляешь? Может нам надо просто к его медицинской книжке обратиться для начала.

— Мысль конечно интересная, — согласился майор, выпуская клуб дыма. — Заболевание эндокринных органов, сахарным диабетом могут

приводить к импотенции, например.

— Вот видишь. А если учесть то, что на это дело оказывает влияние всякие стрессы, конфликты, истощение нервной системы, наркота опять же со спиртным. Ведь, что такое импотенция?

— Это поражение сосудов, затрудняющее приток крови, вызывающей эрекцию, по-моему, так говорят медики, — пожав плечами отозвался Захаров.

— Вот видишь! Это практически не излечимо. Может кабан, поэтому и маялся. Да и Рафик говорит, что куски кожи у него под ногтями, его собственные были.

— Хорошо, пусть так..., страдал человек болячкой, маялся, как ты говоришь, А, что же его за город потянуло? Почему резать себя стал после истязания? Что перед смертью его так напугать могло? Молчишь?

— Согласен, что-то не вытанцовывается, — согласился капитан, кивая головой. — Да и перед своим исчезновением, в сортире кричал как резанный, что идет куда-то.

— Вот, вот. Странно все это, очень странное.

Ход его рассуждений прервал появившийся у столика администратор, который с вежливым поклоном тихо проговорил:

— Если вас не затруднит, зайдите, пожалуйста, в кабинет директора. Это мимо кухни

сразу налево.

— Хорошо, сейчас подойдем, — небрежно бросил майор. Мгновенно оценив ситуацию.

— Чего этому хрену надо? — бросил недружелюбно Смирнов. Глядя вслед администратору.

Захарову была понятна природа агрессивности капитана. Почти пять лет ему пришлось прослужить на авианосце «Эйзенхауэр» ВМС США, где он дослужился до командира башни, не имея возможности видеть и слышать своих родных. Потом на Запад «ушел» предатель воспользовавшись развалом страны, со списками резидентов и агентуры. От начавшихся арестов капитана чудом удалось спасти, когда корабль стоял на рейде у берегов Испании, но путь на Родину, по тем или иным обстоятельствам занял около года.

Вернулся же он уже не в ту страну, которую покидал, вернее той страны великой и могучей уже попросту не было. На жалких развалинах некогда громадной империи, буйным цветом прогрессировали последствия перестройки, с ее переоценкой ценностей, сменой направлений и флага. Бурно расцветшая преступность и торгашество, буквально захлестнуло страну — люди пытались просто выжить. Когда он был «за

бугром», то, конечно же, до него доходили известия с Родины, о переменах, но то, что он увидел, вернувшись, потрясло его. Потому как читать и слушать о бурных событиях происходящих на Родине оказалось одним, а вот окунуться в эти события совсем другим делом.

За годы командировки у него умерли старые родители, живущие где-то в глухой глубинке. Тяжелое потрясение испытал он, побывав в родной деревне, где некогда был знатный, богатый колхоз, крепко стоявший на ногах, который теперь стоял в руинах. Вместе с колхозом, не выдержав новых рыночных отношений, умерла и деревня, а люди разъехались, кто, куда в поисках лучшей доли. Оставив лишь несколько дворов с немощными стариками, которые не хотели покидать могилы своих предков, да и некуда им было по большому счету ехать.

Капитан долго искал на заброшенном кладбище могилки своих родителей, а когда нашел, был просто добит тем, что неизвестные вандалы надругались над памятниками. С поваленных надгробий были сорваны латунные таблички. Как ему потом объяснили, за лом цветных металлов перекупщики в городе всегда хорошо платили.

Отказавшись от честно заработанного продолжительного отпуска, он написал рапорт. Так и оказался капитан Смирнов в одном отделе с

Захаровым. Но с той поры у него появилось стойкое отвращение ко всему новому. Разумеется, как и всякий опытный оперативник, при необходимости он мог мгновенно включать свою железную волю и не давать свободу своим эмоциям. Но иногда — эта самая воля давала сбои.

— Нам предлагают встречу с директором, — пояснил Игорь. — У нас есть два пути.

— Какие?

— Путь номер один — мы пробиваем эту братву, у выхода и уходим.

— А второй?

— А по второму пути мы идем к директору, который нас приглашает к себе.

— Что нам это дает? — спросил задумчиво Сергей, массируя пальцы рук.

— Познакомимся с директором, может, получится с ним договориться и уйти без боя.

— Бить морду директора? Это, пожалуй, интересней, идем.

— Подожди! — майор поймал товарища за руку. — Давай договоримся, что по возможности кулаками махать не будем.

— Железяка, — пожав плечами, отозвался тот.

— Работаем по легенде, в трапезах участие, если предложат, принимаем, но горячительное не пьем. Обещаешь?

— Есть, командир, как скажешь. А если кто «за волыну» схватится?

— Надо, чтобы без стрельбы обошлось.

— Значит рисуем. Интересно администрация заведения, наверное, уже на Валета работает? Бармен же говорил, что у них сходняк был и теперь Валет все подбирает.

— Сейчас узнаем.

Постучав в указанную администратором дверь Захаров, тут же привычно шагнул в сторону. Дверь сразу распахнулась, а на пороге появился примерно такой же по комплекции и росту человек. В спортивном костюме и тапочках на босу ногу.

— Тебе кого? — крикнул он. Стараясь перекричать громыхание музыки.

— Нас директор позвал, — равнодушно ответил майор.

— А документики имеются? — монотонно уточнил незнакомец.

— Конечно, — ответил майор, — у нас проездной. И не говоря ни слова, шагнул за дверь с грозной вывеской «Директор».

— А-а-а, вот и гости дорогие, — проговорил радушно, полноватый человек. В помятом костюме мышинового цвета, с ярким галстуком, который давал контраст на фоне белой рубашки. — Проходите, присаживайтесь. Как говорится, чем богаты — тем и рады, — лепетал он мокрыми губами. То и дело

поправляя массивные очки, своими пухлыми, короткими пальцами.

Он едва доставал майору до плеча и на фоне литых, тренированных фигур вошедших гостей, казался каким-то маленьким и ущербным. Его, маслянистые глазки постоянно бегали под очками, а сам он находился в состоянии какого-то волнения, все указывало на то, что знакомство было вынужденным.

Кроме человека стоящего в дверях и молчаливо наблюдавшим за гостями, да суетящегося толстячка, в кабинете, напоминающим скорее небольшой банкетный зал, больше никого не было. Тяжелые цветастые шторы плотно закрывали от посторонних глаз окно, а стены и потолок были отделаны дорогим пластиком импортного производства. На паркетных, слегка поскрипывающих полах стоял ряд сдвинутых столов, которые были накрыты дорогим зеленым бархатом вместо скатерти. Массивная люстра с многочисленными лампочками в виде хрустальных сосуллек давала мягкий какой-то домашний свет и располагала к приятному времяпрепровождению.

Захаров пристально скользнул взглядом по стене, в поисках другой двери, но все говорило о том, что запасного выхода не было.

Судя по приборам, стоящим на столе, совсем недавно тут трапезничали человек шесть.

— Давайте знакомиться, — проговорил коротышка, потирая руки. — Меня зовут Семен, по фамилии Васильев, а отец мой на Сергея отзывался. Я, значит, и есть директор этого заведения. А, вас как величать?

— Дед пихто, — буркнул Смирнов, бесцеремонно садясь за стол и сдвигая в сторону от себя грязную посуду.

Захаров молча сел, напротив, с таким расчетом, что каждый угол кабинета оставался в их поле зрения. А стол с его многочисленными закусками, издававшими дразнящие ароматы, мог при необходимости сыграть роль щита.

— Сейчас, сейчас поменяем приборы, — засуетился толстяк, собирая грязные тарелки. — Вадик, — обратился он, не взглянув на стоящего у двери. — Будь добр, кликни Софушку, пусть приборы заменит, да из холодильничка бутылочку «Смирновки» захватит.

— Не нравятся мне они, — отозвался тот, облокотившись на косяк, скрестив руки на груди.

— Ну, Вадик! — воскликнул толстяк обижено, — они же мои гости, прекрати.

— Ну, ну, — буркнул тот с явным раздражением. — Тебе видней.

— Я самый миролюбивый человек, — частил хозяин кабинета, садясь рядом. — Я всегда стараюсь все решить миром.

— Это как? И вашим и нашим, за три копейки спляшем? — уточнил Игорь, рисуя вилкой по заливному блюду абстрактные рисунки.

— Ну, знаете, нельзя же так прямолинейно! — воскликнул директор. — В жизни великое множество разных оттенков, нельзя же все так упрощать.

— А о каких оттенках мы собираемся говорить? — спросил Смирнов, сосредоточенно накладывая ярко-красную, крупнозернистую икру себе на кусок хлеба.

— Ну, например, о том, зачем в тихушку допрос об Архипе чинить? Или бить по морде билетера? Люди работают, выполняют свои обязанности. Зачем же их дергать? Информацию про кореша собираете, про Архипа? Дело конечно святое, — про кореша побеседовать. Но зачем же по тихому?

— Может, ты нам еще насоветуешь в мусарню сбегать? — развязно уточнил Захаров, глядя в упор на собеседника.

— Ну, зачем же в милицию? — всплеснул руками толстяк. — Власти вообще без надобности за нос дергать не нужно. Власть же у нас сама по себе, а мы своей жизнью живем.

— Хорошо, расскажи ты, что с Архипом случилось! Почему он вдруг за городом оказался? Почему приказал долго жить?

— Ей Богу не знаю, — проговорил хозяин, вытирая платком испарину на лице и лысине. — У него между нами говоря, крыша последнее время «ехала». Чудить покойничек начал, спасу нет, — проговорил он, угощая дорогими сигаретами.

— А в чем это проявлялось?

— Да, во всем. Он же у нас спец по девочкам был, доил их во всех углах, получалось, правда, неплохо.

— Так в чем проблема то? спросил капитан, чиркая зажигалкой.

— Так решил он свое дело на научную основу поставить.

— Это как? — не понял Сергей.

— Ну, говорил, чтобы бизнес расширить нужно, под это дело научную основу так сказать подводить надобно. А иначе рано или поздно конкуренты появятся и потеснят.

— Выходит боялся кого-то? — уточнил, задумчиво Игорь.

— Да нет! Ну, кого ему бояться-то? В городе покойничек величиной был. Только его девки в нашем городе ударно трудились в любое время суток. Его многие уважали за это, даже из администрации города.

— За что? — не понял Смирнов.

— Как за что! — воскликнул директор. — Он же новые рабочие места открывал. По нашим

временам дело великое.

— Ясно. А как же быть с Валетом?

— А, что с Валетом? — не понял Васильев, настороженно глядя на Смирнова.

— После смерти Архипа вроде именно он дела покойного прибрал и этот кабачок кстати?

— Правильно! Везде должен быть порядок и хозяин! Правда, с Архипом по проще было, а что кабачка касаясь, так сходняк был. На нем и порешили, что теперь Валет за бизнесом Архипа присмотрит, — ответил директор. Жадно закуривая сигарету.

— Так может, этот самый Валет, уволок Архипа за город, да и прибил там. Ну, чтобы его бизнес подобрать! — предположил Захаров, закуривая.

— Не скрою, споры между ними были, уж больно они разные. Архип как бульдозер был «простодырый», а вот Валет все больше с интеллигентными наворотами. Да со своими высокими материями из-за могильных учений...

Дверь внезапно открылась, оборвав тем самым разговор, а на пороге появилась миловидная женщина лет тридцати пяти в белом переднике и таком же белоснежном колпаке. Многочисленная дешевая бижутерия сверкала на ней, как на новогодней елке.

— Вызывали? — спросила она, кокетливо,

пытаясь перекричать шум доносившейся из зала музыки.

— Да, да, лапушка, — зачастил директор, жестикулируя руками. — Прибери тут на столе, приборчики нам поменяй. Так вот значит новый наш хозяин, Валет со своими заморочками из «Фэн шуй»...

— Это что за на хер? — спросил Смирнов, закуривая сигарету.

— Ну, это вроде как учение у китайцев такое. С его помощью они вроде как уже тысячи лет назад, со сверхъестественными силами общались.

— Очень интересно! — воскликнул капитан. — И что же означает это «Фэн — шуй»?

— Дословно оно вроде того, что «ветер» и «вода» или что-то около того, — пожав плечами, отозвался директор. Так вот живя со сверхъестественными силами в добром согласии, люди тем самым обеспечивали себе счастье, здоровье и конечно богатство.

— В магию ударился?

— Зря смеешься, мил человек, умение влиять на пространство не только в доме, магазине или других помещениях это большое, между прочим, дело. Китайцы, например, верят, что даже неправильно расположенная в доме мебель, усиливает действие темных сил, а это плохо сказывается, например, на самочувствии человека.

— Вот как? А при чем же здесь ветер и вода? — с недоумением спросил Захаров, попробовав ложкой крупную икру.

— А вода означает течение, движения, ветер — вращение. На мой взгляд, много в этом учении магии, пророчества и прочей дребедени, но много в нем и здравого смысла. Если хотите, могу дать адресок одного человека, он может подробнее все это изложить.

— Чиркни, конечно, Семен Сергеевич — с этими словами Захаров протянул полупустую пачку сигарет с ручкой.

— Он конечно человек со странностями, но с мозгами у него все в порядке, уверяю вас. А меня можно просто Семей называть, — хохотнув, выдохнул толстяк. — Дешево, но со вкусом, вот держите адресок, значит. Это вроде учитель бывший нашего Валета.

— Пусть будет так — пожав плечами, пробормотал Игорь. Осматривая стол установленный новыми приборами с аппетитными закусками. — И давно Валет в эту хиромантию ударился?

— Да, уже пару лет вроде, — отозвался Сема. Отправляя жестом ярко крашенную официантку.

— Это его, не Шаман ли приобщил? — проговорил капитан. С рассеянным видом осматривая дорогие обои, залитые причудливым

красным светом, льющимся от светильников на китайский фасон.

— Это кто такой? — насупившись, уточнил толстяк.

В этот момент двери с шумом распахнулись, и на пороге появилась фигура кассира, с разбитой, перекошенной от злости физиономией. Левая сторона, которой заметно распухла, а заплывший глаз, с налитым кровью белком вообще представлял из себя узкую щелку.

— Ну, что, волчары? В лапшу по рубаю! — истошно завопил он. Выхватив из-под свитера огромный поварской нож, прихваченный видимо с кухни.

— А, ну осади! — рывкнул кто-то в коридоре. Хриплым, прокуренным басом.

Амбал как-то мгновенно обмяк, а яростный приступ ненависти, сменился холопской угодливостью. Он молча сделал шаг, в сторону глупо улыбаясь, пропуская в кабинет коренастого человека, с пепельным лицом, небольшого роста. Кожаная кепка на стриженной голове, с мясистыми оттопыренными ушами, грубыми чертами небритого лица, Под потертым кожаным плащом, явно угадывалась тяжесть пистолета в кобуре скрытого ношения.

Переступив порог, визитер остановился и

медленно обвел тяжелым взглядом кабинет, играя при этом желваками. Боксерский нос, явно когда-то ломаный, на крупном небритом лице, дополняли темные колючие глаза. Сверкавшие под густыми, сдвинутыми к переносице бровями, на стриженной голове, яйцевидной формы.

— Чего же, ты Сема, — обратился он с хрипотцой к толстяку, — беспредел позволяешь?

— Да, это недоразумение вышло, — засуетился директор, бледнея при этом. — Ну не поняли люди друг друга...

— Это кто кого не понял! — завопил хрипящим, срывающимся голосом билетер, выглядывая из-за незнакомца. — Вовчик до сих пор в себя никак не придет!

— Заткнись, — рявкнул вошедший с безразличным видом. Чувствовалось, что не директор, а он является настоящим хозяином в данном заведении.

— Вот, вот присядем давайте, водочки хряснем и потолкуем за жизнь заодно, — заискивающе пробормотал директор. Угодливо заглядывая в глаза гостю. — Мужики за кореша своего справляются, а ты, Фаза, на людей с ножом кидаешься, словно они окорок какой-то.

— Да, они же мне, всю харю расквасили, — взревел опять билетер, — показывая рукой на опухшую морду.

— Сказал, заткнись! — опять рывкнул, незнакомец в кожанке. Садясь за стол с перекошенной от злости физиономией. — Сейчас разберемся. Я ведь сюда, Сема, приставлен не для того, чтобы капусту охранять. Меня ведь за порядком следить приставили.

Захаров уже начинал жалеть, что отказался и пошел в бар без прикрытия. Обстановка накалялась буквально на глазах и могла вот-вот выйти из-под контроля в любой момент.

— Меня сюда сам Валет смотрящим поставил и ты об этом в курсе, — процедил сквозь зубы, незнакомец. Открывая отпотевшую бутылку «Смирновки».

— И, что? — равнодушно спросил Смирнов. С аппетитом доедая кусок красной рыбы.

— А, то, что зачем чудить? Зачем девчат обижать? Клиентов избивать? Сотрудников, наконец, калечить? За это ответить надо, — проговорил в кожанке опрокидывая полстакана водки, с безразличным видом, словно это было боржомом.

— Перед кем ответ держать надо? — спросил с прищуром Захаров. Глядя испод лобья на массивный нос незнакомца.

— Ну, хотя бы передо мной, — сдерживая раздражение, отозвался смотрящий. Кидая в рот хлебный мякиш.

— Ты, чего, сучара? — взревел Фаза, стоявший рядом. — Нюх потерял? А вот это видел? — он вытянул руку с ножом, словно заправский фехтовальщик.

В ту же секунду майор пригвоздил его руку к столу своей ладонью, а другой вогнал вилку с куском холодца в кулак, сжимающий рукоятку ножа.

— «Ва-у-у» — взвился билетер. Вытаращив испуганные глаза, глядя на вываливающийся нож и торчащую рукоятку столового прибора, воткнутого в кисть.

Еще мгновение и сидевший до сих пор с безучастным видом Смирнов, без размаха нанес мощный удар локтем за ухо смотрящему, Рука которого, метнулась к кобуре за кожанку. Тот как-то не ловко запрокинул голову на плечо и, вытаращив безумные глаза, молча повалился под стол, стаскивая за собой скатерть с приборами.

— Еще есть вопросы? Выпалил Игорь, выхватив свой пистолет.

Визги билетера мгновенно оборвались и теперь он тоненько скулил, пытаясь открыть заплывший глаз и получше понять, как извлечь металл, из собственного тела.

— Вы чего мужики? — шепотом спросил Сема. С бледным лицом. Глядя, как Захаров деловито обезоружил обездвиженное тело

смотрящего. — Это же человек Валета. Вы чего? Он хоть и с интеллигентными наворотами, а за такой расклад спросит сурово.

— Ответим, — буднично отозвался капитан, глядя на притихшего билетера. — Проводи нас хозяин, через двери в подсобке, пока мы тебе тут всю кают-компанию не разнесли.

— Да, да, конечно, — тихо выдохнул толстяк. Едва шевеля трясущимися, влажными губами. Казалось, что его бегающие, пороссячье глазки, сейчас выскочат от испуга из орбит.

— Пускай нам принесут счет, — проговорил медленно Игорь. Держа конфискованный пистолет за ствол, с тем, чтобы, не повредить отпечатки пальцев на рукоятке.

Нет, нет, что вы! Для вас как для моих гостей, все за счет заведения! — горячо затараторил Сема. С опаской глядя на судороги смотрящего. — Мы вам сейчас и с собой пакетик соберем. А ну ка, быстро свистни Софочку!

Выйдя следом за Смирновым и директором на улицу, Игорь поморщившись, поднял воротник куртки, напряженно вслушиваясь в шум ветра. Ему еще все не верилось, что им удалось без лишнего шумного продолжения, покинуть столь милое заведение.

Промозглый весенний ветер, гнавший по

улице тучи пыли, газет и прочего мусора, мгновенно обдал их своим холодным дыханием. Наконец директор семенивший рядом, озираясь по сторонам, тихо спросил:

— Скажите, господа, а я могу в случае чего рассчитывать на вашу помощь?

— Смотря в чем, — неопределенно ответил майор. С интересом рассматривая нового знакомого, при свете фонаря.

— Понимаете, я всегда уважал Архипа. При нем все было просто и ясно. А при Валете и его людях я теряюсь! Понимаете? В общем, мне нужен хороший противовес, может вы поможете мне влиять на обстановку в трактире, я бы и заплатить мог, в рамках разумного, конечно.

— Мы подумаем, — пообещал Смирнов. Похлопав директора по плечу, Беря при этом у него пакет с продуктами.

— Вот, вот вы подумайте и обязательно заходите, — радостно зашептал толстяк, потирая пухлые ладошки. — Вот мой номер телефона и адресок. — А эту вещь? — он показал на отобранный пистолет, — никак нельзя вернуть? Валет за это голову снимет.

— Такой крутой? — уточнил Захаров, осматриваясь по сторонам.

Ужас! — подхватил толстяк.

— Это я ему лично отдам! Так можешь и

передать. А я слышал, что твой Валет, в подметки не годится Шаману.

— Видите ли, я не имел чести знать господина Шамана, а вот Валет, смею вас заверить, — дядька суровый и бригаду себе подобрал — будь здоров. Я побаиваюсь его, поэтому и прошу вашей помощи. Раз уж вы с Архипом дружили.

— Давай услуга за услугу? Ты делаешь так, что мы будем в курсе всего, что у тебя творят люди этого Валета, а мы со своей стороны облегчим твои страдания. Идет?

— Да, да, конечно, — согласился Сема. Кивая головой в знак согласия.

— А стволов у людей Валета достаточно, поэтому думаю, что от временной потери одного они не обеднеют.

— Это все верно, но...

— До встречи, — оборвал его капитан, похлопав по плечу.

— Куда идем? — спросил Игорь, когда они отошли от заведения Семы на несколько кварталов и убедились в том, что за ними никто не идет.

— Выпить бы, да пожрать — вздохнув, проговорил тот. — День выдался чертовски тяжелым.

— Да, это уж точно! — кивнув, пробормотал Захаров, потрогав забинтованное запястье. — Давай ко мне в номер, у меня там бутылочка стоит, на

всякий пожарный в холодильнике. А от меня и домой позвонишь.

— Принято, — отозвался тот. Доставая из-за пазухи бутылку початой «Смирновки» и, показав ее, нежно спрятал в пакет с продуктами.

— Ты чего, ее со стола у Семы стянул?

— Да, того кореша в кожанке саданул по башке, ну, а он, дурак хлипкий, под стол свалился. Да еще скатерть гад стянул с продуктами..., я бутылку эту еле поймать успел. Да, не бери в голову, Сема нас полюбил очень. Ты же видел как он старался угодить! Еще такую же бутылку в пакет с продуктами положил.

— Понятно, — хохотнув, бросил майор, — идем уже.

Весь следующий день Захаров со Смирновым и еще двумя офицерами, внимательно изучали имеющуюся информацию на группировку Валета. Просчитывая различные варианты развития событий. Одним из пунктов этой работы было и знакомство с человеком, которого им порекомендовал директор питейного заведения. К которому они и отправились ближе к вечеру.

Уютные одноэтажные домики небольшого поселка в пригороде, с ухоженными улицами, петляющими по сосновому бору, действовали как-то умиротворяюще. Казалось, что среди

стройных сосен, монотонно шумящих при порывах ветра, среди этого висящего запаха хвои, должны жить какие-то особенные люди, абсолютно далекие, от мирских проблем и пороков. Но старуха-жизнь в очередной раз демонстрировала свой не объяснимый, трудно-предсказуемый нрав. Именно в одном из таких домов когда-то родился мальчишка Володя, который в последствии, в результате каких-то странных, труднообъяснимых метаморфоз, превратился в Валета — одного из лидеров преступного мира города.

— Чего угодно, молодым людям? — скрипнул старческий голос. Из-за высокого деревянного.

— Молодым людям, угодно повидать старого учителя Сергея Степановича, — ответил Захаров.

— И кому понадобился забытый богом пенсионер? — после некоторой неловкой паузы, уточнил старик. — Впрочем, проходите, раз уж приехали.

Щелкнул замок, и дверь, тихо скрипнув, отварила, а в проеме появился человек почтенного возраста в поношенной кроличьей шапке, кирзовых сапогах, грубом рабочем костюме. — Я и есть тот самый Сергей Степанович, — представился он. Бодрым голосом, вытирая руки о спецовку. — Что-то я не припоминаю вас, — проговорил он, щуря

близорукие глаза. — Вы учились у меня?

— Нет, Сергей Степанович, мы к вам по другому вопросу, — ответил Игорь, поморщившись.

— Мы хотели поговорить с вами об одном из ваших учеников, о Володе Марченко. Помните такого?

— Вы из милиции? — поджав губы, прошептал старик, сокрушенно вздохнув.

— В некотором роде, — поправил его Смирнов.

— Ну что, все понятно, проходите в дом! В конце концов, видимо этим и должно было кончиться у этого мальчика.

— Почему у мальчика? И почему так? — спросил капитан осматривая нехитрую обстановку в доме.

Пожалуй, единственное из вещей, что не вписывалось в доме сельского учителя, так это был новый импортный телевизор, да роскошное плетеное кресло стоявшее напротив.

— А они для меня все, на всю так сказать оставшуюся жизнь остаются детьми. Дети, которых я учил добру, детьми вместе, с которыми верил в светлое будущее. Детей, которых как теперь говорят, я обманывал, — бормотал старик, жестом приглашая к столу.

— Вы преподавали историю? —

поинтересовался Игорь.

— Ее, будь она неладная, — отозвался тот. — А, знаете..., я и сейчас верю в то, о чем когда то говорил на уроках. Да вы проходите, садитесь к столу. Пройдет совсем немного время..., люди осознают, что при коммунистах они жили как у Христа за пазухой.

— А что вы можете сказать о Владимире Марченко? — спросил капитан, поблагодарив хозяина за приглашение.

— Что я могу сказать про этого мальчика? У него была сложная, я бы сказал исковерканная судьба. До четвертого класса его отец окончательно спился и сгинул где-то на зоне.

— Его осудили за кражу? — уточнил Игорь.

— Да, он со своими собутыльниками, что-то украл в колхозном гараже. Потом был суд, зона, откуда он и не вернулся, а мать вскоре заболела пневмонией и умерла. Так что Володю до восьмого класса воспитывала его бабушка, царство ей небесное. Я сейчас вас чайком угощу.

— И что было дальше?

— А что могло быть дальше? — переспросил старик. Глядя на Захарова поверх очков. — Дальше, была его учеба в ПТУ!

— Которое ему пришлось бросить? — проговорил Сергей со вздохом.

— Да, со своими сверстниками они залезли

ночью в магазин, поэтому железнодорожника из него не получилось, к сожалению конечно.

— Скажите, а когда вы его видели последний раз? — задумчиво проговорил Захаров. Глядя на хмурое, давно небритое лицо хозяина.

— Месяц назад, он, по-моему, брал у меня книгу.

— Он часто брал у вас книги? И что это за книги?

— Да нет, не часто, а книги, книги были самыми обыкновенными, — пожал плечами, пробормотал учитель. — Русские народные сказки например.

— Сказки? — переспросил Смирнов.

— Да, сказки. А что? — ответил хозяин, гремя кружками.

— Ну, хорошо, а вы знали, чем он занимался после отсидки? Как жил? Чем дышал?

— Видите ли, он не говорил на эту тему, — проговорил бывший учитель. Сосредоточенно пожевав губами, глядя в одну точку. — Все больше отшучивался. А в последний год его вообще стали интересоваться вопросы о вечном.

— В каком смысле? — насторожился Игорь.

— Ну, его стали волновать, например, вопросы о смысле жизни. Есть или нет загробный мир.

— И вы обо всем этом с ним говорили?

— Да, каждого человека, на мой взгляд, должны интересовать ответы на эти вопросы, — разведя руками, проговорил старик. Кого-то раньше. Кого-то позже. Я ведь тоже как ушел на пенсию, схоронил свою бабушку... С тех пор много передумал о духовном несовершенстве человека, о греховности, о смысле жизни. Давайте по чаевничаем, раз уж зашли к старику, — проговорил хозяин. Снимая с подноса граненые стаканы в довоенных подстаканниках. — Медок вот отведайте, свойский! Я три улья держу, так чтобы сахар с магазина не таскать, да душу общением с природой ублажить. Мне ведь теперь по стариковски много не надо, пчелки да книги. Вон их у меня сколько, — проговорил он, с любовью глядя на деревянные книжные полки. Занимавшие от потолка до пола добрую половину стены в соседней комнате. — И об учении Маркса и о жизни по законам христианства. На все так сказать случаи жизни.

— И вы говорили с Марченко об этом? — уточнил Захаров.

— Да, конечно, — кивнув, отозвался тот. — Видите ли..., Володя тянулся ко мне и раньше, он был любознательным мальчиком, таким собственно и остался.

— И о чем же вы говорили с ним в последний раз?

— О духовном разрушении человека, о всякого рода вампирических нападениях, да, много о чем, — проговорил старик, наливая из самовара чай, — Видите ли, из-за нашего духовного несовершенства и грехопадения, уменьшается, а частенько и разрушается наше биологическое поле. Человек становится жертвой любого вида вампирического нападения, в том числе и некротического заклятья.

— У вас можно курить? — спросил капитан.

— Да, да конечно, молодые люди. Мне-то уже давно врачи запретили, а вы дымите, и мне от душистого дыма веселее будет только.

— Почему же его заинтересовала тема духовности? — спросил Игорь, доставая сигареты. — Ведь духовное нарушение в нашем обществе идет очень давно, начавшись с отречения от веры, законов христианского общежития.

— Вот именно! — воскликнул учитель, садясь к столу. — Почти все к чему стремится молодежь — ориентированно на материальное благосостояние и независимость. Именно такое смещение ценностных ориентиров и привело к тому, что причины своих невзгод, болезней, неудач, человек ищет в мире проявленном, то есть сказать проще на физическом уровне.

— А, где же нужно искать ответы? — удивленно спросил капитан. Отхлебывая из стакана

горячий чай.

— Конечно же, в ноуменальном мире, — с жаром отозвался старик, подняв над собой указательный палец. — Только тонкий, духовный мир с его истинами остается открытым для посвященных, к которым абсолютное большинство живущих не прислушивается. А, что получается в результате? А результат весьма печален — мир мертвых начинает все больше влиять на мир живых, искривляя и разрушая судьбу человека, да, что там человека, судьбу семьи, целых народов.

Хозяин сокрушенно вздохнул, и, покривив губы, отхлебнул, из блюдца проговорил:

— Проблема некротического заклинания страшна не тем, что она существует — она стара как мир. Она пугает своими масштабами, приобретающими в последнее десятилетие тенденцию к росту.

— И, что же делать нам? Что же делать всему человечеству? — спросил Смирнов, пробуя мед. — Какой-то есть рецепт?

— Не буду, оригинален, сказав вам, что единственное универсальное средство — это духовное совершенствование. Могу кстати предложить один из методов снятия некротического заклятия.

— Любопытно, — задумчиво, проговорил Игорь. — Это какой-то ритуал?

— Да, если хотите, это ритуал, Великого Космического Прощения, который, кстати сказать, переплетается с актом христианского прощения. Его эффективность не в механическом, а в искреннем исполнении, смысл которого заключается в признании несовершенства мира и живущих в нем. В том числе в себе самом и в обрыве энергетических и информационных каналов, связывающих жертву и потустороннюю сущность, восстановлении так сказать границ мира живых и мира мертвых. Понимаете?

— Очень примерно, — признался Захаров, выпустив облако табачного дыма.

— Возьмите в церкви свечу и поставьте ее перед образом, Николая Угодника или Спасителя, — страстно прошептал учитель, — и про себя произнесите: «- Господи! Прощаю всех своих врагов, которых знаю и которых не знаю, или назовите имена тех, кто вольно или невольно причинил вам зло. Живущим желаю здоровья и благополучия, мертвым успокоения на том свете». Обратите при этом внимание на то, как будет гореть эта свеча. Вторую свечу зажгите перед образом Божьей матери и произнесите: «Господи! Прости меня, если я вольно или невольно причинил кому-либо зло».

Отметьте разницу в горении двух свечей. Затем минут десять постоит под куполом церкви, в

центре ее самого возвышенного места. Как правило, совершающий этот ритуал, испытывает в этот момент необычные ощущения, уверяю вас.

— Какие, например? — пробормотал с любопытством Смирнов.

— Ну, например тяжесть, или наоборот легкость в теле, холод или прохладу, многие из людей в этот момент плачут.

Этим ритуалом вы не только защитите себя, или своих близких, но и спасете душу, падшую до вампиризма.

— Очень любопытно, — подытожил Захаров. — А, скажите, Сергей Степанович, Марченко в разговорах с вами никогда не цитировал писателя под псевдонимом Шаман? Хотя это может быть и кличка одного из знакомых.

— Нет, признаться не припоминаю, — разведя руками, проговорил старик. Поправляя седые волосы. — Он вообще в разговорах старался не касаться своей теперешней жизни, а уж тем более своих знакомых.

— Хорошо, но тогда может он, объяснял вам, почему его вдруг стали интересовать эти вопросы?

— Значит, пришло время задуматься и ему о бренности нашей жизни, — твердо сказал старик. Хитро улыбаясь в седую бороду. — Хоть и через китайское учение о смысле жизни.

Проговорив еще около часа с хлебосольным

хозяином и получив нужную для себя информацию, гости покинули его небольшой дом, напоминавший чем-то келью в монастыре. Направились, не спеша к оставленной на окраине машине.

— Что скажешь? — спросил Игорь, доставая сигареты.

— То, что это не Шаман — это точно, — отозвался Смирнов, закуривая — Впрочем, понятно, так же, что старик не имеет никаких дел с бандой Валета.

— Согласен. Мне вообще кажется, что он человек, в этой истории абсолютно случайный.

— Я, Валета не могу представить в церкви, заводящим кверху глаза во время молитвы.

— Поправляя при этом пистолет за поясом, — подхватил Захаров.

— Вот, вот. Скорее всего, это какая-то блажь или овечья шкура, которую он пытается натянуть на себя.

— Да, может быть и такое.

— Ну, а, что ты думаешь по поводу всего услышанного сейчас от этого пенсионера?

— Надо будет подумать намеренно. — Я, честно говоря, думаю сейчас о том, куда пропал Зайцев. И где сейчас бумаги покойного Андрейченко. Это очень, очень важно и, сдается мне, они нам крепко могут помочь.

— Все менты на ушах «стоят», возможно он

затихорился просто где-то.

— А почему не позвонил?

— Ну, может возможности нет, а на руках сам говоришь бомба. Найдем!

— Дай то Бог, чтобы нашли его живым и здоровым, — задумчиво проговорил Игорь. Всматриваясь в знакомую фигуру водителя, подающую какие-то знаки.

Новость, сообщенная шофером, буквально ошарашила напарников. Дежуривший на квартире Захарова сотрудник, был доставлен в госпиталь в тяжелом состоянии. Пропало его табельное оружие. Его товарищ который отлучился в тот момент в магазин, толком ничего не смог пояснить.

Выслушав водителя, Смирнов озадаченно посмотрел на Захарова и покачав головой проговорил:

— У тебя на квартире как у Булгакова... Что там у тебя вообще твориться?

— Спроси, что полегче! — выпалил тот с остервенением. — Сам же видишь, что чем дальше в лес, тем толше партизаны! Поехали!

Морозов встретил их в своем кабинете с хмурым выражением на уставшем лице и после минуты молчания тихо проговорил, показывая пальцем на потолок:

— Там завтра пыль будет до потолка — ЧП серьезное... Москва — это дело на контроль возьмет — это уж как пить дать. И, что мы можем сказать в свое оправдание? Если до завтрашнего утра мы не найдем оружие, то грянет гром в лице высокой комиссии. С разбором так сказать полетов... Какие есть мысли, товарищи офицеры? Садитесь уже!

— Один сотрудник в госпитале, а что другой говорит? — играя желваками, уточнил Захаров.

— Оставшийся при памяти сотрудник задержан, за то, что оставил пост и находится сейчас в военной прокуратуре! — отрезал Морозов с раздражением. — А второй без памяти, но все время твердит, что гнев монаха будет страшен.

— Монаха? — поморщившись, уточнил Смирнов.

— Вот именно монаха! Бредит наверное...

— Не могу понять, а точнее дать объяснение всему происходящему, — отозвался майор задумчиво. — Такое впечатление, что мы, тыкаемся как слепые котята, вокруг чего-то очень важного, а видеть, его не видим. Пока очень мало информации, а та, что имеем, очень противоречива. Реально мы даже не знаем, что или кого ищем, а раз так, то где взять ответы или результаты!

— Значит, давай думать. Как объяснить, оперативную необходимость в организации засады,

на твоей квартире, Что стряслось с нашим сотрудником, которого увезли в госпиталь, — с раздражением проговорил начальник, бросая кепку на стол. — Следов взлома нет, похоже, что офицер сам открыл входную дверь... Только вот кому и зачем?

— По-моему вся канитель началась с того момента, как мы взяли за Архипа, точнее за его труп. Пистолетик, что взяли в баре, проверили? — уточнил Смирнов. — Может его номерок, что то подскажет?

Подполковник медленно снял расстегнутый китель и повесив его на спинку кресла сказал:

— Ствол украден в соседней области, со склада арт-вооружений, два года назад. Прапор который торговал стволами уже осужден. А вот пальчики..., которые оставил на нем его бывший хозяин, принадлежат одному покойному ныне зеку.

— Как это? — натянуто улыбнувшись, выдавил Смирнов. — Мы с Игорем лично беседовали с этим покойником! Ну, чего ты молчишь? Скажи, что хозяин живее всех живых был.

— Да, погоди ты, — задумавшись пробормотал Захаров. — Ошибка исключена?

— Исключена! — отозвался Морозов. Подходя к жалюзи, которые висели на огромном

окне кабинета. — Года три назад, его пристрелили при задержании.

— Ну и дела, — выдохнув прошептал Смирнов, — а выглядел покойничек бодрячком. Даже водочку саданул прямо из стакана при нас. Ствол то чистый?

— Пока не известно, проверяют в пулегильзотеке, — проговорил Морозов, садясь за стол. — По делу тогда проходил один урка, кстати, находящийся до сих пор в федеральном розыске.

— Столько лет бегают?

— Что поделаешь. Давай начнем сначала. Почему ты стрелял дома? Что этому предшествовало? Ведь не с похмелья же ты, или от нечего делать стал упражняться. Рапорт рапортом, а ты еще раз расскажи все обстоятельно.

Захаров пожал плечами, вздохнул и теребя в руках зажигалку сказал:

— Все началось с того, что кто-то позвонил в двери вечером, однако аппаратура не «увидела» ни кого. Ну та, японская, что у меня стоит.

— То есть перед дверью никого не было? — тихо уточнил Морозов. Шагая по кабинету.

— Совершенно верно, площадка была пуста, по крайней мере, на телевизоре никого не было. Но я действительно слышал звонки и стук в дверь. Да и собака реагировала как-то странно...

— Это как?

— Вместо обычной агрессивности, она вела себя как-то подавленно.

— Что же было дальше?

— Дальше? Дальше я почувствовал себя как-то не хорошо. Ну, вроде как отравился, что ли. Даже сознание потерял..., потом позвонил Смирнов, предложил переночевать у него... Утром поднялся к себе, тогда-то и заметил, что в квартире все перевернуто, кот на куски разорван.

— Понятно. Что было дальше?

— Дальше было нападение собаки. Потом был звонок от Зайцева, я и поехал к нему на встречу... Тут эта история с «БМВ» вышла. Кстати этот второй оклемался, который в реанимацию попал?

— Нет, подох там к сожалению, не приходя в себя. А, этот Зубов, действительно пустышка? Или может он прикидывается?

— Да нет..., «Зубило» — это типичный попугай. Так, подай-принеси... Валет, Валет может многое рассказать, — проговорил Игорь, постукивая кулаком по столу, — все пока к нему сходится, все дорожки. А, что если его «запрессовать» как следует! По полной программе! Расколется ведь до задницы.

— А что у тебя на него есть? — со злостью спросил Морозов, вращая в руках дырокол. — Иди и возьми его. Адвокаты такую вонь поднимут, а потом и все дело развалят, или до суда, или в ходе

процесса. Какая разница? На Валета нужно идти с серьезными вещами, а их у нас пока нет. Хитер подлюка, сам не подставляется и у милиции на него нет ни хрена. Может через информацию через его подельника Шамана, удастся узнать, что-то.

— Сергей Петрович, посуди сам, пока придут данные на Шамана, пока мы что-то сами «наковыряем», пока что-то прикидывать будем... Сколько воды «утечет»? Я так думаю, что, только надавив на Валета, мы сможем получить хоть какой-то ответ или информацию! — с жаром выпалил Смирнов.

— Погоди, что же ты предлагаешь?

— Я предлагаю гнуть нашу легенду с корешами Архипа, доводя ее до абсурда. «Отмороженные» дружки «отмороженного» Архипа имели свою долю от его дел. С гибелью кореша ручеек иссяк, ну и так дальше. И довести этот абсурд до встречи с Шаманом, если он, конечно, существует, а не блеф все это бандитский.

— Без санкций? — уточнил Морозов.

— Да хрен с ним и с санкцией этой. Ведь весь город знает, что он бандит, что под его началом самая дерзкая и организованная группировка. Все торгаши на рынке ему платят! А сколько его людей вооружены? Я уверен, и ствол наш у него же всплывет. Подъехать на его малину, взять за задницу, да потрясти, что б позвонки в трусы

осыпались. Ну, нету у нас времени!

— Ага, ты на его малине дров наломаешь, людей положишь, а мне отвечать за твои ковбойские штучки! Это ты здорово придумал! Мне до пенсии год остался! — выпалил Морозов.

— А можно все сделать по-тихому, — пробормотал Игорь.

— Это, как же?

— Для начала полковник Морозов ничего не знал об этой акции. Ее проводил я, по собственной инициативе, свои у меня могут быть счета с этой скотиной. Да и пистолетик, что в баре у человека Валета отняли, я обещал отдать.

— А. что мне нравится! — живо поддержал Смирнов, потирая руки. Я могу пару человек привлечь своих.

— А вооружать их ты сам будешь? Или с табельными пойдете?

— Да, ладно тебе, Петрович! Мы же не собираемся там в войнушку играть.

— Ну и что дальше? — покачав головой, буркнул Морозов.

— Из визита в бар я сделал «железный» вывод, начался передел сфер влияния после гибели Архипа. А под эту марку можно и дров наломать. При дележе всегда есть недовольные. Там глядишь и бумаги Андрейченко обозначаться или следы Зайцева. Мы ведь сейчас как котята слепые.

— Да ты хоть знаешь, что того Валета целая бригада охраняет? На, почитай результаты последних наблюдений «наружки», — с этими словами начальник двинул майору увесистую папку и принялся расхаживать по кабинету.

— Петрович, я ее обязательно прочту перед визитом к нему, — проговорил Захаров. Опустив руку на папку с бумагами. — Сейчас нужно в принципе решить что делать! Нельзя терять время, тем более что до утра его осталось не так уж и много. Все шишки я беру на себя, а лавры отдам полковнику Морозову.

— Да тебя прибудут, прежде чем ты доберешься до этого Валета! — воскликнул Морозов, остановившись напротив.

— Победителей не судят, — отозвался майор вставая. — Пропал Зайцев и дай Бог, если он еще жив. Теперь пострадал наш сотрудник. Что дальше? Или кто следующий? А ведь все это, так или иначе, тянется к этому подонку.

— Не знаю — не знаю, — отозвался начальник, сокрушенно вздохнув. Глядя поверх очков на своего бывшего подчиненного. Может ты конечно и прав, но уж больно все скользко, не подготовлено, не проработано.

— До утра мы должны наработать себе очки, — твердо проговорил Смирнов. Вставая рядом с Захаровым. — Потому что потом понаедут

комиссии, и вся работа будет сведена к нулю, утонет в бумаге.

— Это уж точно, — буркнул начальник, поморщившись. — Прибьют вас там, как пить дать. Неужели вы этого не понимаете?

— Да меня со Смирновым, который год уж прибывают, и потом мы еще пару человек возьму, для прикрытия как положено. Мы же только потолкуем с этим Валетом и все.

— И ты вчетвером собрался толковать? Да ты хоть знаешь, что он себе за городом не коттедж, а крепость отгрохал, туда так просто не войдешь!

— Да нам же не нужен его дом, мы в конце концов, доработаем версию о корешках Архипа, Да все нормально будет, и потом мы же не собираемся в полный рост идти на приступ.

— Ладно, — кивнув, проговорил начальник, — похоже, выбора у нас действительно нет. — Возьмите еще несколько человек на свое усмотрение. Хватит?

— Конечно.

— Оружие только табельное, и смотрите желательно без стрельбы обойтись. А если уж не получится, то первый выстрел вверх. Чтобы ни каких масляных пятен не оставалось, не забудь, проинструктируй людей. Получиться договориться об обмене стволов — это хорошо..., назначайте время и место, которое можно контролировать со

стороны. Не получится..., то в бутылку «лезть» не надо!

— Да, все будет правильно, Сергей Петрович! — с жаром выдохнул Смирнов.

— Да, да, — проговорил Морозов, сокрушенно вздохнув. — Ты меня не лечи! Тебе там башку отстреляют, а я поеду розы выращивать или еще хлеще — лес пилить. Валет за Игорем людей отправил походить, а истинных причин толкнувших его на это, мы до сих пор не знаем.

— Вот мы там носом и «поводим», — пробормотал Захаров. — Глядишь и ясность появиться.

— Имейте ввиду, что за домом этого Валета, сейчас ведется наблюдение по линии МВД. Смена состоит из двух человек, помните про это..., чтобы накладок никаких не было! Спровоцируете заварушку, они сразу «маякнут» своим и на вашу голову свалятся ребята из СОБРа.

— И за какое время они смогут добраться? — озадаченно проговорил Смирнов. Глядя на Захарова.

— Думаю, что за час смогут обернуться.

— Этого времени вполне достаточно, чтобы «встать» на крыло, — задумчиво проговорил Игорь. — Нам главное спутать бандитам все карты, а в мутной водице и ловить сподручнее. Будем

действовать по обстановке, да и выбора у нас большого нет.

— Все вроде правильно, но помни майор, что к 8 утра я должен буду, что-то докладывать наверх. Однако из-за этого не нужно лезть на рожон, абсолютно, а уж тем более вести затяжные бои, да и вообще стрелять.

— Я все понял, — кивнув, отозвался Игорь.

Выйдя из кабинета Морозова, Захаров двинулся следом за Смирновым. Поднявшись в его кабинет и закрыв за собой плотно двери, Игорь задумчиво произнес:

— Вот и пришло время господин, Валет, познакомиться с тобой поближе. Посмотрим, какой ты крутой, чем дышишь и чего это тебя на «Фэн-Шуй» потянуло.

— Чего делать будем? Когда выдвигаемся? — спросил Сергей. Садясь с уставшим видом за свой стол.

— Думаю, что на двадцать один час нормально будет.

Смирнов отрицательно покачал головой и тихо проговорил:

— Навряд ли он так рано появится.

— Ничего, у нас время будет осмотреться.

— Тогда я пойду с машиной вопрос решу и с людьми. Пару человек резвых нам ведь хватит?

— Вполне, — кивнув в знак согласия, проговорил Игорь. Доставая из папки фотографии огромного загородного дома Валета. Выстроенный в три этажа из итальянского кирпича с глухим высоким забором он действительно напоминал небольшую крепость средневековья. — Чего же это тебя на «Фэн-Шуй» потянуло? — вновь пробормотал Игорь, щурясь от сигаретного дыма. — Надо, пожалуй, проконсультироваться по этому поводу.

Майор подвинул телефонный аппарат и набрал номер знакомого историка.

— Здравствуй, Петр Тимофеевич, это Захаров беспокоит. Да, вот хотел проконсультироваться по одному вопросу.

— Я весь внимание, Игорь. Молодец, что позвонил, — ответил тот. — Итак, чем же я могу быть полезным?

— Хочу разобраться в течении одном — «Фэн-Шуй» называется.

— Ага, вопрос понял. Хотя это и не совсем ко мне, но я постараюсь ответить. Это скорее не течение, а учение, которое возникло в Китае, еще, по-моему, пять веков назад.

— И с чего же там все началось? — уточнил Игорь, стряхивая пепел в пепельницу.

— А китайцы заметили, что те, кто умеет создавать гармонию в собственном доме, более

успешны в жизни. Искусство правильно располагать дом и вещи в нем и называется «Фэн-Шуй», если просто обобщить все, что с ним связано.

— А кто же был прародителем этого учения? Может шаман какой-нибудь?

— Насчет шамана не знаю, а есть легенда о черепахе, которую увидел китайский император на берегу Желтой реки. На спине ее был изображен магический квадрат, в котором сумма числа в каждом из вертикальных и горизонтальных рядов была равна пятнадцати. На основе этого квадрата и пяти элементов, состоящих из земли, воды, огня, металла и дерева было создано зеркало Багуа.

— Очень интересно. И что же с его помощью можно делать?

— С помощью этого зеркала, которое накладывают на план вашей квартиры, комнаты или дома, можно узнать, где в нем, расположены зоны брака, богатства или карьеры. Правильно используя это пространство можно улучшить свою жизнь в этой области, которая для вас сейчас наиболее актуальна.

— Скажи, Петр Тимофеевич, а нельзя с помощью этого учения или зеркала как-то воздействовать на человека? Ну, например, причинить вред здоровью или вообще убить?

— Ну, что ты, Игорь! — воскликнул

историк. — Учение это развивалось на благо человека, как правило. Мы кстати интуитивно стараемся следовать законам «Фэн-Шуй».

— Я просто уточняю. Потому, что, мало, что слышал о нем, — признался майор.

— А, «Фэн-Шуй» сознательно скрывалось от иноземцев в течение пяти тысячелетий. Это, только сейчас расселившись по миру, азиаты принесли это искусство в Европу. Это сейчас в Китае, на Тайване или в США в «чайна-таунах», каждый уважающий себя владелец ресторана или магазина, начиная постройку или организуя интерьер, непременно обращается за советом к экспертам «Фэн-Шуй».

Вот, как? И кто же эти эксперты?

Это люди, которые, как правило, провели несколько лет в буддийских монастырях, в центрах, где изучают древнее искусство. Одним словом — посвященные люди.

— Однако, — пробормотал Захаров озабоченно. — А вот про зеркало, Петр Тимофеевич, Вы что-то говорили про зеркало. Какова все-таки его роль в этом учении?

— Ну, с помощью зеркала можно, например, скорректировать пространство.

— Это как?

— Ну, например, повесить зеркало на дверь туалета, через который может уходить из дома вся положительная энергия. Да и сами двери в туалет, и

ванную комнату, должны быть всегда закрыты, потому как с водой из вашего дома выходит необходимая жизненная сила. И вообще это учение предъявляет не мало «требований» к дверям.

— К дверям?

— Да, к дверям. Маленькие двери не должны вести в большую комнату. Если они находятся друг против друга, то непременно должны быть одинаковых размеров.

— А, если двери разные? — спросил Захаров, нахмурившись.

— А, если двери разные, то их следует «уравновесить» опять таки при помощи зеркал, повешенных на стенах рядом. Так, что зеркала в искусстве обустройства жилища — вещь далеко не случайная. Зеркало согласно «Фэн-шуй», избавляет человека от воздействия «злых сил». Говоря современным языком, зеркало защищает от излучений геомагнитных патогенных зон, вредоносных полей вокруг электропроводов и остроконечных предметов. Если это нужно «развернуть» до деталей, то я думаю, что могу подобрать необходимую литературу.

— Спасибо, Петр Тимофеевич, вы здорово помогли мне, думаю пока это не нужно. Но если что, то я опять к Вам обращусь.

— Хорошо, договорились, — усмехнулся историк. — Всегда рад помочь.

— Вот те на! — чертыхнулся майор. Положив телефонную трубку. — В монастыри меня еще не заносило!

Район своего место проживания, выбранный Марченко, находился за городом в живописном месте, на берегу реки с обрывистыми берегами. А березовый лес вплотную подступал к участку с трех сторон.

Место расположения дачного товарищества, на территории которого Валет выстроил свой трехэтажный терем, располагалась на возвышенности, что позволяло при желании держать все подъездные дороги под наблюдением. А при необходимости, спокойно покинуть теплое место, через лес, или же вниз по реке на лодках. Все это было учтено Смирновым и Захаровым, при проработке различных вариантов развития событий.

— Что Шура? — спросил Игорь. Одного из инструкторов по рукопашному бою, взятого в качестве прикрытия. — Неплохо устроился урка? А?

— Что и говорить, место для норы выбрано со вкусом, с наскока не возьмешь, — отозвался тот. — Машину придется оставить метров за сто, чтобы ни спугнуть, — отозвался коренастый, широкоплечий с крупными чертами лица человек.

— Ну ничего, — отозвался Смирнов. Сосредоточенно роясь в своей огромной спортивной сумке. — Под «крышей» свободной охоты, да ещё под личиной отморозков один хрен задницы им «надерем».

— Тебе бы только морды побить, — поддел его второй инструктор, переключая передачу.

— Да брось ты! Мы же не фашисты, мы за порядок, — отозвался капитан улыбаясь.

— С Валетом желательно поговорить без шума, — отозвался Захаров. — Все подъезжаем, окурки за борт. Тебе Вадим задача одна, что бы ни случилось, находишься за рулем. Какая бы там каша не заварилась, движешься к нам только тогда, когда «маякнем» по радио. Ну и если, что-то подозрительное заметишь, то нам сигнал подашь.

— Есть, майор, — отозвался водитель.

— Эту, артиллерию. — Захаров похлопал по стоящей в ногах винтовке, — применять только в крайнем случае. Если попросим помощи и только наверняка, а еще лучше вообще не применять.

— Смотри, нам в задницы не попади, — весело хохотнув, проговорил Смирнов.

— Вот именно, — поддержал Игорь, Снимая пистолет с предохранителя. — Ладно, глуши мотор, проверили приборы ночного видения, оружие.

— Давай, командир, хоть по гранате возьмем, — давась от смеха, проговорил Смирнов.

— Ты, что с ума сошел? — начал было Захаров.

— Все правильно возьмите, — поддержал товарища Вадим. — С такими проездными билетами, всегда проще уходить.

— Где же ты их взял? — пробурчал Игорь. Ложа с некоторым облегчением в карман, тяжелый кусок металла.

— Так ты не забывай откуда я родом, — усмехнувшись отозвался тот. — У нас всегда говорили: «Что это за хата, без автомата?».

— Ну, ну..., ладно идемте пока хозяина нет, осмотримся.

— А если он уже дома? — уточнил Смирнов.

— Значит сразу разговор предьявим! — отрезал Захаров.

— Главное, чтобы кто-нибудь не очконул и со ствола не шмальнул, — с придыханием проговорил Смирнов.

— Не понял, — пробормотал Захаров. Подозрительно прищурившись.

— Ну, я к тому, что тогда все на нашей стороне будет! Включая и прокурорских!

— Давай прекращай, — буркнул с раздражением Игорь. — Идемте уже.

Дом Марченко представлял собой огромный, в три этажа, особняк из итальянского кирпича с

пластиковыми окнами и черепичной крышей, с флигелем. Владение, стоящее за двухметровым забором, заметно отличалось от соседних домов, менее величественных и скромных. Дождавшись приезда хозяина, ночные гости приблизились к огромным металлическим воротам из кованного стального прута. Было слышно как из небольшого помещения, расположенного с внутренней стороны и служившего роль КПП, доносились сладострастные вопли. Охрана с наслаждением смаковала порнуху, то и дело комментируя события.

— Сколько их там интересно? — прошептал Шура, пытаясь рассмотреть территорию, в надвинутые на глаза очки ночного видения.

— Сколько есть, все наши, — также тихо прошептал Смирнов, разглядывая несколько машин, стоящих у входа.

— Значит так, — проговорил майор. — Мы со Смирновым идем в дом, а ты прикроешь нас с этой стороны, как и решали. Все понятно?

— Есть, — тихо отозвался Шура, поправляя коротко ствольный автомат. Удачи вам.

— Стреляем только в крайнем случае! — с жаром прошептал Захаров. — А то потом еще год отписываться будем. Нам доверительная беседа нужна..., если получится конечно.

Выбрав самую темную сторону, они перемахнули через стену, и оказались внутри двора, который был засажен многочисленными декоративными деревьями, осторожно двинулись вдоль забора к черному ходу.

— Стой! — шепнул Смирнов, замерев за одной из елей... сжимая в руке пистолет.

— Что такое? — так же тихо спросил Захаров, озираясь по сторонам.

— Вроде бежит кто-то на цыпочках. Слышишь, листва прошлогодняя шелестит.

Внезапно тишину ночи разорвал собачий лай, и две огромные овчарки с яростным лаем кинулось на ночных гостей. И хотя короткая, но яростная схватка длилась недолго, элемент внезапности был утерян. Этого времени вполне хватило, чтобы в доме сориентировались, что появились непрошенные гости.

Очередь, выпущенная в их сторону прямо из окна через оконную раму с матовым стеклом, прошла совсем рядом, разбивая кирпичную кладку забора.

— Любители, мать твою, — ругнулся Смирнов. Падая на землю и вытирая рукавом кровь с лица.

— Ранен? — спросил майор, быстро

подползая.

— Да нет, осколки битого кирпича брызнули, да собака ногу порвала.

— А мя за локоть ухватила зараза, что делать будем? — морщась уточнил Игорь.

В этот момент, со стороны сторожки громыхнула короткая очередь, которая, судя по разлетевшейся оконной раме и истошным воплям, достигла своей цели.

— Молодец, Шура, — буркнул Игорь. — Ну, что до дома броском или уходим?

— Зачем? — не понял Смирнов, — У них вон какой арсенал! Теперь мы точно в дамках майор! И для любой комиссии и для прокуратуры, у нас теперь есть индульгенция. Или ты предлагаешь все эти стволы в город отпустить?

— Мы же не воевать пришли? — чертыхнулся майор.

Капитан утвердительно кивнул:

— Конечно, нет, но и от урок бегать не дело! Видел как стреляют? Любители!

Не успели они прижаться к холодной стене и перевести дыхание, как еще одно окно в доме ощерилось автоматным огнем. Среди автоматных очередей выделялась винтовка Драгунова.

— Ничего себе огневая подготовка! —

воскликнул Сергей, выглядывая из-за угла. — Не рассчитали мы их — это точно.

— Да, не учли мы их темперамент, — согласился майор. Глядя, как раскаленный металл взлохмачивает газонную почву.

— Судя по всему их человека три, ну может четыре, по крайней мере, стреляют трое.

— Давай на ту сторону дома и помни, Валет нам нужен живой, а я по радио Вадима свистну.

С этими словами Захаров достал из внутреннего кармана «уоки-токи» и, вытянув антенну, связался с водителем.

— Ты хорошо видишь окна дома? — спросил он, пытаясь перекрычать автоматную трескотню.

— Как на ладони, — прохрипел голос водителя. С трудом различимый через треск эфира. — Как вы там?

— Все нормально. Сколько их там?

— Вижу двоих на первом этаже, шмаляют из автоматов. Двое мечутся на втором этаже. Похоже, что-то собирают. Один на мансарде, у него винтовка. Присматривается гад.

— Ментов видишь?

— Сейчас гляну..., ага проснулись, глаза таращат, руками машут... по-моему, помощь вызывают.

— Ладно, хрен на них, — крикнул Захаров. — Снайпера хорошо видишь?

— Как на ладони. Валить?

— Конечно, валить! Пока он кого-нибудь из нас не завалил!

Пуля со стальным сердечником рванулась следом за лазерным целеуказателем и, вспоров переносицу, отбросила тело незадачливого стрелка в глубь мансарды.

— Цель поражена, — буднично сообщил Вадим.

— Второй этаж видишь?

— Там кажется сам Валет с бабой кружится, по комнатам, что-то пакуют.

— Так он уже в доме?

— Выхотит, что так!

— Вооружены?

— У него в руках по моему «ПМ».

— И все?

— И все.

— Ладно, а эти доходяги на первом этаже? — уточнил Захаров. Пытаясь зажать потревоженную рану, из которой обильно сочилась кровь.

— Я их из-за забора плоховато вижу, только вспышки. Может подъехать?

— Погоди, от меня это, какое окно? — спросил Захаров, доставая гранату. — Я около трех елей стою у дома, а рядом береза. Видишь?

— Все понял..., значит так. Первый от тебя

через окно.

— Хорошо, следи за картинкой. Держите, братаны, — прошептал Захаров. И ловко, словно на баскетбольной игре отправил гранату в оконный проем.

Вспышка и хлопок, выбившие все стекла, переломили ситуацию в корне. Огрызающиеся смертоносным свинцом автоматы как по команде замолкли. А из дома стали доноситься в наступившей тишине страшные стоны да треск разгорающегося пламени.

— Вадим! — позвал Захаров.

— Да, да, — я на связи. Отозвался тот, продираясь сквозь эфирный шум.

— Что там, на втором этаже?

— Еще один хрен откуда-то выскочил.

— Вооружен?

— Под мышкой держит гранатомет, и что-то доказывает бабе.

— Ладно, вали и его на бок, — махнул рукой Игорь. Нам свидетели теперь не нужны.

— Есть командир, — проговорил тот, тщательно целясь в затылок.

Вторая пуля, разбив затылок второму бандиту, швырнула его труп на женщину, обдав ее горячими брызгами мозга. Вадим хорошо видел как та с ужасом смотрела, как убитый сползает по ней на

пол, заливая кровью ее халат.

— Цель поражена, — доложил товарищ. —
Что дальше?

— Как там себя наружка ведет?

— Сейчас глянем... Ага, в машине нет, а
понятно, залегли около машины и стволы достали.

— Ну, понятно, пусть лежат пока, давай сюда!
Валета пакуем и валим отсюда!

— Сейчас сделаем, — отозвался Вадим,
запуская мотор.

— Шура! Как у тебя дела?

— Нормально, — отозвался тот, — правда,
ногу зацепили, гады слегка.

— Ничего, терпи, до свадьбы заживет. А у
тебя как дела Сергей?

— Нормалёк, — ответил Смирнов, тяжело
дыша.

— Ты сейчас где?

— Я то? Я уже на третьем этаже, по пожарной
лестнице забрался, хоть бы подсветил кто.

— Там нет никого, Вадим говорит, что на
втором этаже Валет мечется со своей дамой.

— Ага, ее я вижу, в истерике колотится на
полу, а вот ухажера, что-то нет.

В этот момент яркая вспышка вдруг осветила
второй этаж, и раздался сильный, сухой хлопок.

Еще мгновение и на месте подъезжающего
служебного УАЗика взметнулся огненный фонтан,

а кузов разбитой машины, подпрыгнул и медленно завалился на бок, поднимая при этом грозди красных искр. Еще мгновение и пламя, яростно клокоча, охватило всю машину.

— Мочи их Серега! — завопил Захаров, с остервенением. — Эти сволочи Вадима из гранатомета подожгли! Мочи гадов! Шура! Быстро к Вадиму! Вытащи его из машины! Ах вы суки!

— Мочу, мочу, — бормотал капитан, тяжело дыша. Бросая ручную гранату.

Грохот разрыва на какое-то мгновение заглушил треск огромного костра, разгорающегося на месте машины. В следующее мгновение в наступившей тишине раздался чей-то надсадный стон, переходящий в клокочущий хрип.

— Может еще добавить? — вырвался из динамиков голос Смирнова.

— Да, хрен их знает, — сдавлено прохрипел Захаров. Из подлобья смотря на горевшую машину. — Шура, быстро туши Вадима! Мы идем в дом. Ищем эту падлу и валим отсюда.

Но из живых в доме никого кроме сильно контуженой блондинки уже не было.

— Где Валет? — истошно закричал майор, глядя на совершенно голую женщину, сидевшую у огромной кровати в оцепенении, глядя на валявшийся, на полу халат, в лужи крови,

образовавшийся рядом с трупом.

Заткнув руками, уши она раскачивалась из стороны в сторону, глядя в одну точку, беззвучно шевеля при этом, что-то губами.

— Да, вот он голубчик! — крикнул Смирнов из соседней комнаты.

Взору Игоря предстала жуткая картина, предсмертной агонии одного из самых авторитетных бандитов города.

Крепкого телосложения человек, в дорогом шелковом халате, сидел на полу в луже собственной крови, пытался окровавленными руками, спрятать собственные внутренности, выглядывающие из-под полы халата.

— Ну, вот и встретились, Валет, — мрачно процедил Захаров, садясь напротив.

— ...обей..., — тихо прохрипел Марченко сквозь стиснутые зубы, играя при этом желваками, на бледно-матовом, забрызганном кровью лице.

— Давай так договоримся, — проговорил майор. — Мы тебе врача, а ты нам Шамана сосватаешь.

— ... добе-е-е-й, — вновь прохрипел бандит, — больно очень.

— Где Шаман? Слышишь? Где его найти? — закричал Смирнов, видя, что раненому осталось жить совсем не много.

— Пустынник..., найдет тебя... из-под земли, — прошептал тот. — Ты, по...нял ме...нт? Он как ве...тер..., гуляет везде.

— Как Шамана найти? — повторил свой вопрос Захаров угрожающим тоном, надавив слегка стволом пистолета на живот.

— А-а-а-а, — хрипло застонал Марченко, заваливаясь на бок. — Я...я...я не знаю, правда, правда, не знаю, — хрипел он, корчась от боли.

— Больше из него ничего не выжмешь, — проговорил Сергей, глядя на kloкотание кровавых пузырей вырывавшихся из глотки бандита. — Надо уходить, паркет с обоями горит как порох.

— Да, да, евро-ремонт — это как бочка с порохом. Собирай оружие, бери эту куколку, встречаемся у ворот.

— Там...это...

— Что там? — спросил Захаров, озабочено глядя, как буквально на глазах огонь пожирает богатую итальянскую мебель, которая, сильно дымя, и морщась, от температуры пузырями лака превращалась в прах.

— От взрыва стена лопнула...

— И что?

— Да вроде как сейф там...

— Открыть сможешь?

— Нет проблем, кусок термитного шнура есть, — отозвался тот. Смахивая рукавом пот с

лица.

— Бумаги не загорятся?

— Фиг его знает, главное чтобы там взрывчатки не было. Может, у нее спросим? — Смирнов кивнул головой на крашеную блондинку, все тело которой было покрыто осыпавшейся щекотуркой.

— У нее? — переспросил Игорь. Глядя исподлобья на сидевшую женщину с перепачканным в саже лицом, раскачивающуюся из стороны в сторону. — Да, ей, по-моему, сейчас все фиолетово, видишь от нашего шухера у нее «крыша съехала». Ладно, я вниз, Вадима с Шурой гляну. А ты давай быстрее, скоро менты нагрянут. Да и куколку эту выведи, а то еще сгорит тут.

Стены в сторожке напоминали небольшую с нехитрой обстановкой каморку папы Карло.

Захаров проверил у двоих охранников лежащих на полу, пульс — один из них был жив.

— Как найти Шамана? — спросил он бандита, ткнув ему стволом в горло.

— Я, я, я, не знаю, — испуганно пробормотал тот, корчась от боли.

— А кто знает? — уточнил Игорь, щелкнув предохранителем.

— Никто, никто не знает, даже Валет и тот не знает.

— А может его и не существует вовсе? Может это красивая сказка? А?

— Я, я, правда, не знаю, спроси у Валета.

— Передай ему, что я найду его, — проговорил майор, глядя на крупные капли, выступившие на лбу охранника.

— А ну опусти ствол! — проговорил кто-то тихо.

Захаров скосил глаза и увидел в дверном проеме человека, державшего в вытянутых руках пистолет. Судя по его растерянному виду и взъерошенной шевелюре, события этой ночи застали его врасплох...

— Медленно опусти ствол, — вновь повторил неизвестный, — не то башку разнесу.

— Да, кто же ты такой? — искренне удивившись, пробормотал майор, опустив оружие. — Никак мент?

— Ага, он самый, — подтвердил тот. — Как догадался? Оружие медленно откинь в сторону.

— Да, у тебя же на лбу кокарда отпечаталась, — пробормотал Игорь. Бросая в сторону пистолет.

— Ладно, ладно, по умничай у меня. Руки за голову, лицом к стене, и без фокусов. Сейчас наши подъедут, разберемся, что ты за фрукт такой.

— А, чего со мной разбираться? — пожал

плечами Захаров, выполняя команду. — Я — кореш Валета.

— Ну, ну! Заливать ты смотрю мастер, это ты ему по — корифански дом развалил видно? А, ну ноги давай на ширину плеч, руки в гору, глянем, что у тебя там в карманах. А ты тоже на полу не вылеживайся, давай присоединяйся!

С этими словами, он с опаской приблизился и, ткнув ствол пистолета между лопаток Игоря, стал хлопать левой рукой по карманам.

В этот момент со стороны дома донесся глухой хлопок взрыва, который на какое-то мгновение отвлек милиционера от процедуры обыска. Но, для майора и этого секундного замешательства было достаточно. Молниеносный нырок под руку с наставленным на него пистолетом, и рука с оружием зажата в безопасном положении под мышкой. Следующий удар в падении с разворотом, большим пальцем в кадык.

— Бум! — грохнул безопасный выстрел. Выбивший в стенке кусок штукатурки.

— Где второй? — уточнил Захаров, приставив отобранный пистолет к переносице пленника.

— Не..., не..., не стреляй, — хрипя и кашляя, просипел тот, морщась от боли. — Напарник в машине на радио «сидит».

— А, ты, значит, глянуть решил, что к чему?

— Не стреляй..., — застонал тот, хватая ртом

воздух.

Короткий удар рукояткой пистолета по шее, швырнул его на пол, заставив замолчать.

— Ловко, ты его, — осклабился охранник. —

Мочи, мочи, эту суку! Одной тварью меньше будет!

— Ты, понял, что я тебе сказал?

— Я, то? Конечно, конечно понял, — забормотал тот испуганно. Обескураженный столь резкой сменой разговора.

Отправив охранника пинком в глубочайший нокаут, Захаров засунул пистолет милиционера ему в штаны и, подобрав свой выскочил на улицу.

Разгоравшийся в доме пожар, вырывался клубами черного дыма и пламени, из всех разбитых окон, отбрасывая в округе причудливые блики. Слышно было, как трещит, превращаясь в пыль, дорогая мебель, со вкусом обставленного дома.

Не раздумывая, он бросился к дымящемуся УАЗику.

Инструктор по рукопашному бою уже сбил струей из огнетушителя пламя и сумел вытащить обгоревший труп водителя.

— Живой? — крикнул Игорь, подбегая.

— Погиб сразу, — тихо ответил Шура. Глядя с отрешенным видом, на дымящееся тело товарища.

— Ладно, Шура! Нужно уходить, ему уже не поможешь, — сквозь стиснутые зубы проговорил